

Научно-исследовательская работа
по истории и краеведению
на тему: «Гимназия и училище»

Выполнила: Платовских Полина Михайловна,
ученица 10 класса
ГБОУ СОШ №111 с углубленным изучением немецкого языка
Калининского района Санкт-Петербурга

Руководитель работы: Гончаренко Ирина Геннадьевна,
учитель истории и обществознания
ГБОУ СОШ №111 с углубленным изучением немецкого языка
Калининского района Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург

2019 год

Содержание

<i>Введение</i>	3
<i>Основная часть</i>	5
Глава 1. Развитие среднего образования в России и Петербурге в XIX – начале XX века	5
Глава 2. Третья Петербургская мужская гимназия.....	10
Глава 3. Введенская гимназия (Девятая мужская гимназия).....	20
Глава 4. Восемиклассное коммерческое училище в Лесном (168-я Единая Трудовая школа).....	36
<i>Заключение</i>	50
<i>Сноски к тексту</i>	51
<i>Библиография</i>	57
<i>Использованные источники</i>	58
<i>Приложения</i>	59

Введение

Занимаясь изучением истории своей семьи, я встречалась с упоминанием различных учебных заведений, которые посещали мои родственники. Часто основные подробности их жизни обнаруживались именно в архивных делах из фондов этих заведений. Но наряду с описанием личных обстоятельств моих предков в этих источниках находилось немало сведений о том, какой была жизнь учеников, как была организована учеба. И это понемногу заинтересовало меня. Мне захотелось больше узнать, увидеть прошлое глазами моих ровесников – ведь их повседневные занятия, по большому счету, так же, как и мои, во многом были связаны с учебой. Отношения учеников, учителей и родителей мало изменились со временем. Интересно, что и многие проблемы школьного образования остаются такими же, как сто и двести лет назад! На удивление современно звучат многие документы, их устаревший слог только добавляет им значительности.

В этой работе я постараюсь на основе документов, связанных с обучением моих родственников в двух петербургских гимназиях (Третьей и Введенской) и коммерческом училище в Лесном, обсудить общие черты и различия учебных заведений такого рода в крупнейшем городе России в XIX – начале XX века, проследить смену эпох в организации среднего образования.

Цель: проследить основные этапы развития среднего образования в России, сравнить организацию обучения в гимназии и коммерческом училище как основных видах средних учебных заведений в России в XIX – начале XX века.

Задачи

1. Ознакомиться с основными этапами развития среднего образования в России в общем и в Петербурге в частности в XIX – начале XX века.

2. Изучить и проанализировать историческую литературу по этому вопросу.
3. Изучить семейное древо и выбрать тех моих родственников, живших в Петербурге, которые обучались в гимназии и училище.
4. Изучить и проанализировать архивные документы, связанные с обучением моих родственников.
5. Изучить документы, хранящиеся в семейном архиве.

Объект исследования

Организация обучения в 3-ей и Введенской Санкт-Петербургских гимназиях и Восьмиклассном Коммерческом училище в Лесном.

Предмет исследования

Обучение в этих учебных заведениях моих родственников Дмитрия Чернышева, Михаила Чернышева, Тита Чернышева, Николая Лидке, Евгения Чернышева, Елизаветы Чаловой (Прил.1).

Этапы и методы работы

1. Подготовительный (выбор темы исследования, определение цели, задач, объекта и предмета работы и т.д.).
2. Эмпирический – сбор и обработка информации через изучение научной литературы, письменных источников, работа с архивными документами, изучение фотоархивов.
3. Аналитический – анализ (сопоставительный), систематизация, классификация и обобщение информации.
4. Обработка результатов исследования и их оформление, в т. ч. структурирование работы.

Основными источниками для написания работы послужили материалы домашнего архива семьи Чернышевых (документы, фотографии и др.); фонды государственных архивов Санкт-Петербурга – ЦГИА (Центральный государственный исторический архив – *Авт.*) и ЦГА (Центральный

государственный архив – *Авт.*) и Санкт-Петербургского отделения архива РАН (Российской Академии наук).

Основная часть

Глава 1. Развитие среднего образования в России и Петербурге в XIX – начале XX века

Несмотря на то, что еще при Екатерине II в Петербурге было открыто первое в России четырехклассное Главное народное училище (1783 г.) и несколько двухклассных, а также Учительская семинария, а в 1786 году был принят «Устав народным училищам Российской империи», заложивший основы государственной образовательной системы, к началу XIX века эта система еще не сложилась. [1]

С реформами Александра I связано учреждение Министерства народного просвещения (1802 г.), а в 1803 году вышел именной указ «Об устройстве народных училищ», который содержал в себе «Предварительные правила народного просвещения». Под словом «училища» в этом документе понимаются образовательные заведения вообще, предназначенные «для нравственного образования граждан соответственно обязанностям и пользам каждого состояния» (т.е. сословия), и «определяются 4 рода училищ, а именно: 1-е – училища приходские; 2-е – уездные; 3-е – губернские или гимназии и 4-е – университеты». [2] Было образовано шесть учебных округов, в состав Петербургского учебного округа входили Петербургская, Псковская, Новгородская, Олонецкая и Архангельская губернии. По «Уставу учебных заведений, подведомственных Университету» от 1804 года, вся сеть учебных заведений округа замыкалась на университет. Надо сказать, что университета в Петербурге не было до 1819 года, а в здании Двенадцати коллегий располагался его предшественник – Педагогический институт, преобразованный в 1804 году из Учительской семинарии. Поэтому все учебные заведения подчинялись непосредственно попечителю округа,

который был представителем округа (а, впоследствии, и университета) и членом Главного правления училищ, главой которого был министр народного просвещения.

По Уставу 1804 года общеобразовательная школа не должна была иметь никаких национальных и сословных ограничений. [3] Преемственность образования состояла в том, что приходское училище должно было подготавливать к обучению в уездном, уездное – к гимназии, а гимназия – к университету. Однако их программы не были достаточно согласованы, некоторые предметы повторялись на разных ступенях обучения. Дворянство не хотело видеть своих детей обучающимися в государственных гимназиях вместе с детьми других сословий. Кроме того, положение Устава «не определять к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, людей, не окончивших учения в общественном или частном училище» сплошь и рядом обходилось. «...Учебные заведения в течение сего времени открытые по малому числу учащихся не соразмерны способам их учреждения, ...главным поводом к оному есть удобность достигать чинов не заслугами и отличными познаниями, но одним пребыванием и счислением лет службы». [4] Училища, особенно приходские, финансировались скудно, учителя получали мало.

При Николае I в 1828 году был принят новый «Устав учебных заведений, подведомственных Университету». [5] Преемственность учебных заведений ликвидировалась. Каждый род учебных заведений давал заверченный уровень образования, необходимый определенному сословию для его повседневной деятельности. Так, например, «особенная цель учреждения приходских училищ есть распространение первоначальных, более или менее всякому нужных сведений, между людьми из самых нижних состояний». «Училища уездные, открытые для людей всех состояний, в особенности предназначены для того, чтобы детям купцов, ремесленников и других городских обывателей, вместе со средствами лучшего нравственного образования доставить те сведения, кои образу жизни их, нуждам и

упражнениям могут быть им наиболее полезны». «Учреждение губернских гимназий имеет цель двоякую: доставить способы приличному по званию их воспитания тем из молодых людей, кои не намерены или не могут продолжать учение в университетах, а готовящиеся вступить в оные, снабдить необходимыми для сего предварительными знаниями». То есть образование становилось сословным и профессионально ориентированным. Крепостные в университеты и гимназии не принимались, согласно Высочайшему рескрипту от 1827 года. [6]

Из технических преобразований следует отметить то, что раньше учебный год кончался, как и гражданский, 31 декабря, и переводные экзамены проводились после зимних каникул. По новому Уставу было закреплено начало нового учебного года осенью, тогда же назначались экзамены, но вскоре, вследствие неудобства этого, экзамены стали проводиться перед летними каникулами, как это делается и в наши дни.

В Петербурге вследствие реорганизации имеющихся учебных заведений, из которых только одно было губернской гимназией, появилось три гимназии, потом еще две. Первая была преобразована из Благородного пансиона при университете и предназначалась исключительно для потомственных дворян, Вторая – из Высшего училища, Третья – из губернской гимназии, Четвертая, или Ларинская (по фамилии купца-благотворителя) открылась на Васильевском острове, Пятая – в Коломенской части.

В 1849 году в Устав гимназий и училищ были внесены изменения. [7]

По-прежнему в гимназии принимались «сверх лиц, имеющих по происхождению своему право на поступление в государственную службу, и все лица свободных состояний». Курс гимназического обучения делился на общее (первоначальное) и специальное (с четвертого класса по седьмой). Для тех, кто после гимназии предполагал поступить на службу, вводились дополнительные занятия по русскому языку, математике и правоведению, для тех, кто готовился в университет – латинский и греческий языки.

«Для облегчения учащихся, в особенности приходящих, все уроки оканчиваются до обеда, полагая на каждый урок по 1 ч. 15 мин. со следующим разделением: уроки начинаются в 9 час. поутру и в 11 час. 30 мин. оканчиваются первые два урока; после сего полагается полчаса на отдых; за сим с 12 до 2 час. 30 мин следуют остальные два урока». Ранее по Уставу 1828 года урок длился полтора часа, учение длилось с 8 часов утра до 12.30 и затем с 14.30 до 16. В Петербурге это означало, что большую часть учебного года учащиеся уходили из дома и приходили домой затемно, а те, кто жил далеко, не успевали на большой перемене сходить домой.

В соответствии с введенными изменениями при гимназиях открывались реальные отделения, окончание которых не предполагало поступления в университет, но давало профессиональную подготовку (иностранные языки, коммерческое право, черчение, каллиграфия). Положение уездных и приходских училищ в Петербурге, несмотря на увеличение их числа, оставалось тяжелым в связи с крайне скудным финансированием.

После прихода к власти Александра II снова возникли вопросы реформирования образования. В 1864 году был принят новый «Устав гимназий и прогимназий» [8], по которому все гимназии делились на классические и реальные с семиклассным обучением. В 1871 году появился новый «Устав гимназий и прогимназий» [9], а в 1872 году и «Устав реальных училищ» [10]. Старший седьмой класс в гимназии делался двухгодичным, гимназии «имеют целью доставлять юношеству общее образование и ...служат пригособительным заведением для поступления в университет» и другие высшие специальные учебные заведения, а реальные училища должны «доставлять...общее образование, приспособленное к практическим познаниям и к приобретению технических познаний». Однако в старших классах реальных училищ, которые вообще имели шестиклассный курс, могли учреждаться дополнительные высшие классы для подготовки учащихся в высшие специальные учебные заведения. Вместо уездных

училищ учреждались прогимназии, обучение в которых соответствовало первым четырем низшим классам гимназии. Первой прогимназией стало Введенское уездное четырехклассное училище. Также уездные училища преобразовывались в городские общеобразовательные училища, находящиеся в ведении Министерства народного просвещения, для детей преимущественно бедной части населения.

После убийства народовольцами Александра II в 1881 году новый император Александр III усиливает политику, направленную на сохранение самодержавия. В 1882 году министром просвещения стал И.Д.Делянов. Его деятельность была ориентирована на усиление сословности в образовании. Были изданы указы о закрытии приема в приготовительное отделение, о процентной норме евреев, ограничивающий их прием в среднюю школу, циркуляр от 18 июня 1887 (так называемый «Циркуляр о кухаркиных детях») [11]. В последнем говорилось, что он направлен на то, чтобы: «... в гимназии и прогимназии допускались только такие дети, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство в нравственном над ними домашнем надзоре и предоставлении им необходимых для учебных занятий удобств... При неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев и поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детей коих за исключением разве одаренных необыкновенными способностями вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат».

После восшествия на престол Николая II в 1894 году начались некоторые прогрессивные изменения в системе образования. Так, стали появляться частные и коммерческие средние учебные заведения с полным восьмиклассным курсом, которые, в отличие от государственных казенных учреждений, искали новые подходы к обучению. Возникли, например, гимназия и реальное училище К.Мая, Тенишевское училище (1898 год), Восьмиклассное Коммерческое училище в Лесном и др. В таких учебных заведениях использовались наглядные, практические занятия (особенно по

естественным наукам), вводились дополнительные предметы, проводилась внеклассная работа (образовательные экскурсии и др.) Всего этого не могло быть в государственных гимназиях, где установленные правила стесняли самостоятельность педагогов. В то же время и сами педагоги, привыкшие за долгие годы к жесткой регламентации, не стремились к новшествам.

В 1905 году на волне общего революционного подъема возникли школьные волнения. Основные требования, которые выдвигались, касались реформирования школы: расширение прав школьного самоуправления (создание школьных советов), усилении связи с семейным воспитанием (родительские комитеты) и т.д. Правительство пошло на уступки, начались некоторые преобразования, но вскоре в 1908 году новый министр народного просвещения А.Н.Шварц вернул в школу старые порядки.

Однако в стране уже сложилась многопрофильная система образования с образовательными учреждениями разного уровня. Например, в Петрограде к 1915 году насчитывалось более 700 начальных школ, более 200 профессиональных учебных заведений, 80 мужских средних учебных заведений (гимназии, реальные и коммерческие училища) и 75 женских [12]. Общество горячо интересовалось проблемами образования, на повестке дня стоял вопрос введения всеобщего образования. К сожалению, реформирование школы так и не состоялось ни до февраля 1917 года, ни после Февральской революции.

Глава 2. Третья Петербургская мужская гимназия.

Третья Санкт-Петербургская гимназия — одно из старейших учебных заведений города. Она была образована в 1823 году путем слияния ранее существовавшей губернской гимназии и Учительского института, и до 1831 года называлась Санкт-Петербургской гимназией. Губернская гимназия, после того, как ее выпускникам в 1817 году были даны при поступлении на гражданскую службу права, равные правам выпускников университета, стала пользоваться популярностью. При этом целью было привлечь впоследствии

ее выпускников в университет, но получилось наоборот. По понятным практическим соображениям выпускники поступали на службу, а в университет не шли. Поэтому в 1822 году гимназия вернулась к обычному состоянию, но в ней было образовано педагогическое отделение, в которое были переведены воспитанники упраздняемого Учительского института.

Новая гимназия была открыта в январе 1823 года в здании бывшего Пантелеймоновского уездного училища, которое было упразднено, так же, как и уездное и приходское училища при губернской гимназии (Прил.2). Здание на Гагаринской улице (теперь дом 23) было довольно ветхим, в последующие двадцать лет оно перестраивалось и расширялось. В нем же располагался пансион для 75 гимназистов (всего учащихся было более 200 человек) и жилье для служителей. [13]

В 1831 году Санкт-Петербургская гимназия была преобразована по Уставу 1828 года и была названа Третьей. Учебный курс стал составлять семь классов (вместо шести). Изменения Устава 1849 года коснулись Третьей гимназии ненадолго. В 1852 году преподавание правоведения в ней было отменено, и гимназия получила чисто филологическое направление, «чтобы доставить ученикам ее возможность приготавливаться к поступлению в филологическое отделение университета». Особое положение гимназии объяснялось тем, что она изначально была предназначена именно для подготовки будущих студентов университета. Для этого было увеличено число уроков по древним языкам, греческий язык начинался с третьего, а латинский со второго класса. Чтобы не уменьшить при этом числа уроков по новейшим языкам (французском и немецкому), сохранить преподавание географии и истории по Уставу 1828 года и не ослаблять преподавания математики, было введено вместо четырех пять уроков в день, продолжающихся только по часу [14].

Эти преобразования сделали гимназию привлекательной по сравнению с теми учебными заведениями, которые пошли по пути изменений 1849 года, для тех, кто собирался поступать в университет. Вероятно, поэтому в марте

1855 года Михаил Чернышев, ученик IV класса Пятой Санкт-Петербургской гимназии, был переведен пансионером в III класс Третьей Санкт-Петербургской гимназии, «чтобы доставить ему возможность в остающееся время текущего учебного года приобрести сведения в греческом языке для перехода в IV класс, так как этот предмет в Пятой гимназии не преподается» [15]. Михаил Чернышев, как удалось выяснить, был троюродным братом Дмитрия Чернышева, моего прапрадеда. Михаил остался круглым сиротой после смерти в 1853 году его отца, коллежского секретаря (чин X класса, имел право на звание «почетный гражданин» - прим. Авт.) Павла Михайловича Чернышева, служившего в Департаменте внешней торговли. Он поступил под опеку вдовы коллежского секретаря Софьи Богдановны Хорошевой (возможно, его бабушки по матери?), жил вместе с ней «в доме Гоф-Медика Дворжака по Фонтанке между Измайловским и Египетским мостами близ Никольского рынка», но расходы по его обучению в гимназии взял на себя Департамент внешней торговли: «...следующие за воспитание и содержание Михаила Чернышева в Третьей гимназии деньги 140 руб. серебром и единовременно на обзаведение 30 руб. серебром будут по требованию Начальства Гимназии отпускаться из Департамента Внешней Торговли» [16].

Особыми успехами при обучении в Пятой гимназии Михаил не отличался: «...ученик Чернышев при отличном поведении получил в текущем 1854/55 учебном году следующие отметки в науках – по Закону Божию 3, русскому и церковнославянскому яз. 3, алгебре и геометрии 1, истории 3, географии 3, латинскому языку $1\frac{1}{2}$, немецкому 2, французскому 2, естественной истории 3» [17]. Как в то время пелось в известной песенке: «Единицы да нули – вот и все мои баллы, двоек, троек очень мало, а пятерок и четверок совершенно не бывало». Как видно, система оценок в гимназии была действительно пятибалльной, так что оценки 1 и 2 означали разный,

причем ненулевой, уровень знаний. Приведенные баллы, по всей видимости, средние, отсюда и странная оценка « $1\frac{1}{2}$ ».

В Третьей гимназии Михаил стал пансионером, то есть жил и питался в пансионе при гимназии, а на выходные и каникулы отправлялся к Софье Богдановне. Она же подписалась под напечатанным типографским способом обязательством (Прил.3) (в марте 1855 года только что вступил на престол Александр II, так что эти правила характерны для николаевской эпохи) [18]:

«1. Принимая к себе означенного воспитанника в воскресные и праздничные дни и на каникулярное время, иметь над ним строжайший надзор, дабы он, находясь в моем доме, без ведома моего никуда не отлучался; в случае же отпуска вел себя везде чинно, благопристойно и вежливо, всегда носил платье по установленной форме, застегнутое на все пуговицы, и волосы всегда прилично обстриженные и причесанные, соблюдая во всех отношениях чистоту и опрятность». Правила Устава школы, которые в наши дни обязывают нас носить в школе определенную одежду, так далеко не простираются. Вряд ли кто-нибудь из моих ровесников станет по доброй воле носить школьную форму вне школы! Думаю, что тогда дело обстояло так же.

«2. Внушить ему и со своей стороны, чтобы при встрече с Членами ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии, Г.г. Министром Народного Просвещения и Товарищем Его (т.е. заместителем – *прим. Авт.*), Г.Попечителем Округа, Г.г.Генералами, Начальниками и Чиновниками гимназии, останавливался и снимал фуражку». Такой перечень не кажется излишним для гимназии, находящейся в столице Российской империи, но и в других городах, вероятно, требования были такими же.

«3. Иметь надзор, чтобы он публичные места и собрания, как-то: концерты, театры, цирк, пассаж и подобные места посещал не иначе, как с родителями или опекунами, и избегал всяких случаев, которые могли бы иметь неприятные для него, для меня и для Начальства Гимназии последствия;

вообще вел себя осторожно и во всей точности исполнял все предписанные правила Заведения, во время пребывания вне Гимназии». Интересно, что поведение ученика вне гимназии должно, не в последнюю очередь, не доставлять неприятностей именно гимназии!

«4. Если он по болезни или другим законным причинам не может явиться в Заведение к сроку, то немедленно извещать о том начальство Гимназии». Вполне разумное и современное требование.

«5. Принять его к себе, на собственное мое попечение, если он по чем-либо уволен будет из Гимназии». Достаточно странное, ввиду его очевидности, требование.

«6. По выбытии его из Гимназии иметь наблюдение, чтобы он не носил форменного платья, установленного только для учеников Гимназии». В наше время право ношения формы после увольнения специально оговаривается для военных. В то время, поскольку и образовательные учреждения имели обязательную форму, все учащиеся должны были чувствовать себя если не военными, то государственными служащими.

«7. Предостерегать его, чтобы при возвращении в Гимназию не брал с собой ценных вещей и денег». Увы, звучит очень современно и в точности повторяется в нынешних правилах пребывания в детских лагерях, санаториях и т.д.

«8. О перемене квартиры своей немедленно уведомить Начальство Гимназии». В то время студент университета получал вид на жительство от университета. Гимназист же проживал с родителями или опекунами, но его место жительства должно было быть известно начальству гимназии.

Третью гимназию окончил также мой прапрапрадед Дмитрий Александрович Чернышев. Сохранилось прошение «Его Превосходительству Господину Ректору Императорского С.-Петербургского Университета, Тайному Советнику и Кавалеру Петру Александровичу Плетневу от кончающего курс наук в III Санкт-Петербургской гимназии Димитрия Александрова Чернышева» [19]. Он просил о принятии его «в число

студентов по выдержании... установленного для поступления в Университет экзамена».

В это время (1860 год) связь гимназий с Университетом была очень тесной. Всего в Санкт-Петербурге было пять гимназий, и самым естественным выбором для их выпускников (или, как тогда говорили, «воспитанников») было поступление в Университет. Поэтому выпускные экзамены в гимназиях проводились с участием университетских преподавателей и приравнялись к вступительным. В апреле 1860 года попечитель Санкт-Петербургского учебного округа обратился в Совет Санкт-Петербургского Университета с предписанием «составить две Комиссии» (так тогда писали слово «комиссия») для «испытания учеников VII классов этих Гимназий (т.е. пяти Санкт-Петербургских гимназий – прим. Авт.) и молодых людей, получивших воспитание дома или в других учебных заведениях и изъявивших желание подвергнуться приемному в Университет испытанию» [20]. Одна комиссия создавалась на базе Историко-Филологического факультета и принимала экзамены по «Закону Божию», русскому языку, истории, географии, латинскому и греческому языкам, а вторая – на базе Физико-математического факультета и принимала экзамены по математике, физике, французскому и немецкому языкам. Председателем каждой из комиссий был декан соответствующего факультета, в них входили по два профессора по каждому предмету и один лектор по каждому иностранному языку и по четыре учителя, откомандированных из гимназий, причем по истории и математике для ускорения испытания набиралось по восемь учителей. «Каждый из молодых людей, подвергающихся испытанию, экзаменовался в присутствии одного профессора, или лектора, и двух учителей». Было составлено расписание, экзамены шли подряд каждый день (2,3,5 и 6 мая), причем в один день выпускник сдавал сразу по два-три предмета [21]. Надо сказать, что выпускники, «желающие сдавать выпускной экзамен без намерения поступить в Университет» (таких в Третьей гимназии оказалось трое из шестнадцати), сдавали экзамены той же комиссии. В

Университет сразу подавались и документы выпускников, а именно: прошение о приеме в Университет (для тех, кто хотел поступить), свидетельство о рождении (выписка из метрической церковной книги), свидетельство о привитии оспы и свидетельство о службе отца (формуляр, аттестат и др.) [22].

На экзаменах все выпускники Третьей гимназии, кроме Михаила Чернышева, показали «удовлетворительные», «весьма удовлетворительные» и даже «хорошие» знания по всем предметам и 11 июня 1860 года получили «похвальные аттестаты с правом вступления в гражданскую службу с чином четырнадцатого класса и с преимуществами второго разряда чиновников по воспитанию» (т.е. независимо от происхождения; ко второму разряду при поступлении на службу относились дети личных дворян, купцов 1-й гильдии, священников и дьяконов, для получения 1-го классного чина они должны были прослужить 4 года - *прим. Авт.*) Один из гимназистов даже получил золотую медаль [23].

Интересно, что «казеннокоштные», т.е. обучавшиеся за государственный счет, воспитанники должны были по окончании отработать 6 лет учителями, но правило это легко обходилось. Так, двое таких воспитанников подали попечителю округа прошения освободить их от этой обязанности, указав стандартную причину «совершенного отсутствия педагогических способностей, недостаточных даже и для того, чтобы быть плохим учителем самых развитых учеников», как выразился один из них, Виноградский, впоследствии ставший математиком. Второй, Юзефович, в дальнейшем окончивший Восточный факультет университета и служивший по дипломатической части на Востоке, указал также как причину «отсутствие сильного голоса» и подтвердил это «докторским свидетельством». В ответ на запрос попечителя директор гимназии так же стандартно отвечал, что случая испытать педагогические способности заявителей у него не было, потому он о них ничего сказать не может. Попечитель освободил их от обязательств [24].

Михаил Чернышев «по неудовлетворительности приемного испытания» был «не предназначен экзаменационною Коммиссией к принятию его в студенты Университета» и вышел из гимназии только со свидетельством, «освобождающим, по выслуге лет, от испытаний на производство в первый классный чин» (т.е. экзаменов, которые были необходимы для чиновников – *прим. Авт.*) [25]. Однако в том же году Михаил все-таки поступил на физико-математический факультет университета, дополнительно сдав в августе экзамен «из одного только Латинского языка» по разрешению попечителя округа и ректора университета (в августе проходили вступительные экзамены в таких же комиссиях с участием учителей гимназий) [26]. Ему было 18 лет, а его троюродному брату Дмитрию, поступившему на юридический факультет – уже 21 год. Оба они были освобождены от платы «за слушание лекций», которая составляла 50 рублей серебром, по «недостаточности», т.е. бедности.

Но молодым людям не повезло. Осенью 1861 года в университете начались студенческие волнения, вызванные циркуляром, который издал новый министр народного просвещения адмирал Путятин. Циркуляром вводились новые правила, ограничивающие политическую активность студентов и студенческое самоуправление, которое к тому времени уже возникло и окрепло в университете. В частности, серьезно (до нескольких человек) ограничивалось число студентов, освобождаемых из-за бедности от платы за обучение, – а такими в то время были примерно 65% обучающихся, более 600 человек. Символом нового порядка были так называемые «матрикулы». Это были особые книжки, представлявшие собой и билет для входа в университет, и удостоверение личности, и вид на жительство, и «формулярный список» (зачетную книжку – *прим. Авт.*) Студенты отказывались получать матрикулы, организовывали сходки и демонстрации, которые разгонялись с помощью полиции, пожарных и военных. Почти половина студентов университета была арестована и уволена из университета, пятеро зачинщиков высланы из столицы, а университет закрыт

в начале 1862 года по высочайшему повелению. С осени 1862 года был открыт вновь один физико-математический факультет, и только осенью 1863 года открылись все четыре факультета, уже на основании нового университетского Устава.

В связи с закрытием университета его студенты оказались в сложном положении. Вид на жительство им давал университет, и теперь перед ними стоял выбор: уезжать в другой город с тем, чтобы продолжить свое обучение в другом университете, или поступать на службу. Эти затруднения отражены в прошении, которое законопослушный и благонамеренный студент Михаил Чернышев, получивший матрикулу, подал председателю Временной комиссии учреждений при Санкт-Петербургском университете. Он писал: «Находясь в числе студентов С.-Петербургского Университета и прослушав курс математических наук почти два года, имел полную уверенность окончить в нем свое образование, не теряя времени. Но постигнутый настоящим положением дел, не увлекся однакож за толпой, держась в стороне и желая скорейшего окончания этих переворотов. Но это желание не сбылось. Университет закрыт на неопределенное время, с правом студентам оного переходить в другие. – Эта мера, удобная другим, для меня совершенно невозможна, как потому, что не имея средств к жизни, на которые я мог бы рассчитывать живя в Петербурге, где я родился и знаком с ним настолько, что с большим трудом могу достать что-нибудь, но в другом городе, совершенно мне чуждом, я долго не в состоянии буду успеть в чем-нибудь, томимый нуждой и не зная средств помочь ей; а также и потому, что по смерти моих родителей осталось пустопорожнее место, требующее много хлопот на право владения им,... чтобы не лишиться последнего моего достояния (Михаил получил по наследству половину участка земли на Большой Ружейной улице – теперь улица Мира, вторую половину этого участка унаследовал Дмитрий – прим. Авт.). Поэтому, находясь в подобных обстоятельствах, осмеливаюсь прибегнуть к Вам, как к отцу, с просьбой оставить меня при С.-Петербургском Университете и сделать решение о

выдаче мне свидетельства на жительство до его открытия с тем, чтобы я был вполне уверен, что несмотря ни на какие новые положения я буду в него принят, на что в настоящее время нельзя положительно надеяться. Имею смелость надеяться, что Ваше Превосходительство не откажет в прошлом бедному сироте, который всеми силами старается окончить начатое Университетское образование и обеспечить свое будущее» [27]. Такой большой отрывок приведен здесь, чтобы показать, как цветисто и витиевато умел писать выпускник классической гимназии с филологическим уклоном, хотя и получивший на экзамене по «русской словесности» оценку «не вполне удовлетворительно», когда решалась его судьба.

Михаил был восстановлен в Университете, проучился еще два года на физико-математическом факультете, затем еще два года на юридическом, но экзаменов не сдавал и курс не кончил, а был уволен из Университета в 1867 году за «невнесение установленной за слушание лекций платы» [28]. О его судьбе неизвестно ничего, кроме того, что в 1865 году он подавал документы в Департамент Геральдии с целью получить потомственное дворянство, а в 1866 году обвинялся судебным следователем в неправильном получении денег из магистрата [29]. В списке выпускников гимназии, составленном в 1873 году, он упоминается, как уже умерший, данных о его службе где-либо нет [30].

Дмитрию Чернышеву, также не отказавшемуся получать матрикулу [31], Временная комиссия дала справку, что он «слушал науки по Юридическому Факультету и разряду при поведении очень хорошо, а 20 декабря 1861 года по случаю закрытия СПб Университета уволен из Университета из второго курса, почему правами, предоставленными студентам, окончившим курс наук, воспользоваться не может; при вступлении же в гражданскую службу, на основании Свода Законов (изд.1857 г.) Устава о службе по опред. от Правит.ст.88 и прилож. к оной, имеет право быть причисленным ко второму разряду чиновников». [32] Но Дмитрий, в отличие от Михаила, еще по окончании гимназии получил

аттестат (Прил.4) с правом на чин XIV класса. [33] Так что образование, полученное Дмитрием в гимназии, помогло ему достаточно успешно построить свою карьеру: впоследствии он служил в Окружном суде и вышел в отставку в чине надворного советника (VII класс, давал право на личное дворянство, которое присваивалось, начиная с IX класса - *прим. Авт.*). Умер Дмитрий Александрович в 1899 году, вскоре после того, как уже его младший сын, мой прапрадедущка Тит Дмитриевич поступил в университет.

Выводы по 2 главе: гимназическое образование в середине XIX века имело своей целью подготовку учащихся к поступлению в университет, с которым было тесно связано (общие экзамены), или на государственную службу. Оно было доступно весьма небольшому числу молодых людей, преимущественно детям дворян и чиновников, но и выходцы из других сословий могли с помощью упорной учебы повысить свой социальный статус. Глубокая подготовка давалась в основном по гуманитарным предметам, что соответствовало назначению образования, некоторая избыточность этой подготовки оправдывалась традиционным представлением о том, что знания сами по себе являются ценностью.

Глава 3. Введенская девятая мужская гимназия

Введенское двухклассное уездное училище поместилось в бывшем доме купца Иванова на углу Большого проспекта и Шамшевой улицы в 1805 году, само же училище существовало на Петроградской (тогда она называлась Петербургской) стороне с 1781 года. В 1834-м году училище стало четырехклассным, и при нем появился пансион. В связи с этим, в 1837-м году здание надстроили до трех этажей по проекту архитектора Е. И. Мартынова. В 1871 году оно стало Первой прогимназий (т.е. начальной гимназией, включающей четыре низших класса), а в 1882-м году ее преобразовали в полную гимназию с названием «Санкт-Петербургская

Введенская Девятая мужская гимназия». В 1883-84 годах здание перестраивается по проекту архитектора А. И. Аккермана: возводятся боковые ризалиты, т.е. выступы, выходящие на красную линию проспекта. В 1913 году гимназия была названа именем Петра Великого.

В то время, когда в 1890 году в нее поступил мой прапрадед Тит Дмитриевич Чернышев, сын Дмитрия Александровича, здание гимназии выглядело так, как изображено на старинной открытке (Прил. 5) Оно находилось недалеко от дома №62-64 по Большому проспекту (угол Широкой улицы, теперь улица Ленина), в котором жила семья Чернышевых (дом простоял до 1950-х годов, Прил. 6). Дом принадлежал жене Дмитрия Александровича Надежде Константиновне и был получен ею в наследство от крестной матери Марии Ивановны Ивановой, вдовы коллежского секретаря П.И.Иванова [34].

Старшие братья Тита Павел и Савва тоже учились в этой гимназии. Павел поступил сюда в 1884 году и в 1890 году еще учился, а в 1891 году отец перевел его в Приют Принца Петра Георгиевича Ольденбургского, полный курс наук с дополнительным классом, по реальному отделению которого он и окончил в 1894 году [35]. Фактически это отделение было уравнено в правах с реальными училищами Министерства народного просвещения и давало право поступления в высшие специальные учебные заведения. Впоследствии Павел служил чиновником в Санкт-Петербургской телеграфной конторе и даже в 1898-99 годах слушал лекции за счет Главного управления почт и телеграфов (проходил повышение квалификации, как сказали бы в наше время) в Электро-Техническом институте здесь же, на Петроградской стороне [36] (сейчас это Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», в котором намного позже учился и мой дедушка, Вячеслав Евгеньевич Чернышев, и обе мои бабушки – Людмила Юрьевна Бошнякович и Любовь Семеновна Коханчикова). Савва поступил в гимназию в 1887 году, и, судя по всему,

учился до 1892 года, но курс не кончил, о его дальнейшей судьбе нет никаких данных [37].

Во Введенскую гимназию поступил также в 1891 году сразу во второй класс будущий великий русский поэт Александр Александрович Блок. До окончания курса в 1898 году он учился в одном классе с моим прапрадедом. Благодаря этому мне удалось собрать достаточно подробные сведения о том, как проходила повседневная жизнь и учеба гимназистов – из воспоминаний самого Блока, его родственников и исследователей творчества поэта.

«Петербургская сторона... была чистейшим провинциальным уголком, на 9/10 состоявшим из деревянных домиков, с садами и деревянными мостками вместо панелей... Зимой Большой пр. как-то разительно напоминал собою уездную глушь (Прил. 7). И только белое, каменное здание Введенской гимназии (позже – Гимназии Петра Вел.) на Большом пр., построенное покоем, с небольшим садиком по фасаду и с высокими деревьями со стороны двора, напоминало еще о какой-то городской культуре этой заречной части Петербурга» [38].

Сам Блок в 1918 году в неоконченной повести «Исповедь язычника» вспоминал о гимназических годах: «Времена были деляновские; толстовская классическая система преподавания вырождалась и умирала (с именем министра просвещения в 1866-80 годах Д.А.Толстого связано введение консервативных учебных программ, в которых преимущественное внимание уделялось изучению латинского и греческого языков – прим. Авт.), но, вырождаясь, как это всегда бывает, особенно свирепствовала: учили почти исключительно грамматикам, ничем их не одухотворяя, учили свирепо и неуклонно, из года в год, тратя на это бесконечные часы. К тому же гимназия была очень захолустная, мальчики вышли по большей части из семей неинтеллигентных, и во многих свежих сердцах можно было, при желании и умении, написать и начертать что угодно. Однако никому из учителей и в голову не приходило пробовать научить мальчиков чему-нибудь, кроме того,

что было написано в учебниках «крупным» шрифтом («мелкий» обыкновенно позволяли пропускать)» [39].

В.Н.Княжнин, современник Блока, знавший лично его и нескольких учеников гимназии, пишет еще более жестко: «Состав учащихся – дети мелкого чиновничества и зажиточного мещанства, с крайне невысоким интеллектуальным уровнем Гимназия отбывалась как неприятная и ненужная повинность... Благодаря обширным пустырям, летом процветали игры в лапту и городки, а на улицах и в Александровском парке – частые драки с «Рощей», компаниями уличных подростков,... и «синяя говядина» (прозвище гимназистов за цвет мундира и, вероятно, букву «Г» - гимназия – в гербе на фуражке – прим. Авт.) умела иногда постоять за себя. Гораздо хуже, что не только научных интересов, но и интереса к простому чтению не было почти никакого» [40].

Наверное, такие характеристики оправданы в устах представителей творческой и художественной интеллигенции, и обусловлены прежде всего их критическим отношением к жизни в современной им России. Но можно посмотреть на это и с точки зрения обыкновенного человека, того самого «мелкого» чиновника, который хотел, по мере возможности, дать своим детям образование. В этой части города гимназия была в то время одна. Ходить в другую означало бы каждый день преодолевать пешком значительные расстояния. Кстати, для обучения Блока, который в то время жил с матерью и отчимом на набережной Большой Невки в казармах Лейб-гвардии Гренадерского полка, эта гимназия была выбрана потому, что по дороге в нее не надо было переходить мосты, на которых всегда дул сильный ветер.

Те самые «неинтеллигентные» родители должны были заранее позаботиться о том, чтобы дать своему сыну начальное образование, потому что при поступлении в гимназию нужно было сдать экзамены по русскому языку, математике и «Закону Божию». Текст вступительного диктанта по русскому языку, например, показывает какой уровень грамотности

требовался от поступающего – девяти - десятилетнего мальчика. «По небу несутся синие тучи, черный лес шатается, дубы трещат, и молния разом освещает весь мир, водяные холмы гремят и с треском отбегают назад и заливаются вдали. Мать казака убивается, а он едет на коне, бодро подбоченившись и молодецки заломив шапку, вдали расстилается зеленеющий луг» (по-видимому, текст составлен из отдельных упрощенных фраз повестей Гоголя – прим. Авт.) [41]. Почти что наш «Открытый диктант», который пишут взрослые люди! Надо сказать, что Тит Чернышев, как и некоторые другие, сдал вступительные экзамены только со второго раза. Кстати, о пропаганде интереса к чтению – его мать Надежда Константиновна содержала на свои средства в 1890-х годах в своем доме общественную библиотеку [42].

Конечно, мальчишки-гимназисты, особенно в начальных классах, не отличались примерным поведением. Классы были большие, например, у моего прапрадеда было 35 одноклассников. Для поддержания дисциплины была выработана система наказаний: замечание, выговор, оставление после уроков на 1-2 часа, заключение в карцер на 1,2 и более часов. За поведением учащихся наблюдали не только учителя, но и классные наставники. Все проступки заносились в кондуитный журнал.

Правила для учеников Введенской гимназии были более обширными по сравнению с другими петербургскими классическими гимназиями. Например, в них был раздел «Относительно образа жизни учеников», который регламентировал время приготовления уроков, обеда, отдыха и прогулок: «а) Вставать в 6 часов утра, ложась в 10 часов вечера, так, чтобы сна было не более и не менее 8 часов, б) Заниматься приготовлением уроков с половины седьмого часа утра до времени, когда понадобится идти в гимназию, в) По окончании уроков в учебном заведении употреблять около часу на возвращение домой и игры ...на чистом воздухе» и т. д. Раздел VI касался «соблюдения порядка и приличия учениками вне стен учебного заведения и вне дома». Ученики обязаны были «быть всегда в одежде

установленной формы», в фуражке «с установленными буквами» (СПВГ), по дороге в гимназию и домой «нести на спине ранец» [43]. Нарушения этих последних правил особенно часто возникали в старших классах. «Г.классный наставник заявил, что, несмотря на замечание и наказание, ученик VI класса Конопасевич продолжает носить ранец в руках весь февраль месяц по сегодня. Нахожу возможным наказать ученика за упорное ослушание – карцером на 2 часа» [44]. «Гершонович гулял по улице в тужурке – карцер на 1 час» [45]. Нося ранец в руках, как портфель, и надевая тужурку – форменную двубортную куртку, которую носили студенты, - гимназисты, по-видимому, хотели казаться старше.

Не слишком дисциплинированный Михаил Гершонович, кстати, был единственным учеником иудейского вероисповедания в классе, что согласуется с проводимой в то время политикой ограничения числа евреев в учебных заведениях [46]. Отец его, кандидат коммерческих наук (т.е. бакалавр по современной классификации), закончил университет, и поэтому мог жить в столице, вне так называемой «черты оседлости», официально действовавшей в Российской империи со времен Екатерины II до 1917 года и ограничивающей места проживания лиц иудейского вероисповедания (на крещеных евреев, принадлежащих к любой христианской конфессии, это ограничение не распространялось) [47].

Классными наставником у Тита были сначала учитель латинского языка Сергей Александрович Смирнов, а в средних и старших классах Владимир Владимирович Яковлев, преподаватель географии и истории. Оставить учебу в университете, где он собирался писать магистерскую диссертацию, и пойти на службу в гимназию Яковлева вынудили обстоятельства – из-за тяжелой болезни отца он стал единственным кормильцем своей большой семьи. Возможно, это наложило отпечаток на его характер. По воспоминаниям, он преподавал свой предмет, формально следуя учебнику Д.Иловайского, от отвечающих требовал «повод и причину». Гимназисты «относились к нему в лучшем случае равнодушно и

не учились» [48]. В кондуитном журнале встречается немало записей, сделанных Яковлевым. Некоторые удивляют мелочной придирчивостью. Например, один из учеников VI класса «находясь в строю, позволил себе щелкнуть языком после предупреждения учителя гимнастики; когда был выслан мною за это из строя, то нагло стал утверждать, что не щелкнул языком», был наказан карцером на 3 часа [49]. Ученик VII класса «войдя на урок в физический кабинет, громко сказал: «Мир вам!» - по распоряжению Г.Директора оставлен на 2 часа» [50]. «Весь класс, несмотря на неоднократные предупреждения, пел перед 4-ым уроком», все оставлены на ½ часа [51], и это привело к серьезному конфликту наставника с учениками. Дальнейшее развитие событий на следующий день необычно подробно описано Яковлевым, это довольно интересная зарисовка повседневной жизни гимназии. «Ученик Камчатов крайне дерзок. В большую перемену находился между чайными столами, ввиду же тесноты и видя, что Камчатов чай не пьет, я просил его удалиться, но Камчатов сказал: «А если я не пойду». После этих слов я уже настойчиво требовал удалиться, тогда Камчатов берет кружку с чаем и говорит: «Теперь уж Вы меня не выгоните, хоть чай и не буду пить, а кружка есть и будет стоять передо мной». Спустя несколько времени, видя, что Камчатов слишком уж злоупотребляет моим терпением, я прошу его уйти. Тогда он начинает пить чай и при том заявляет: «Я пью уже третью кружку и буду пить еще хоть десять, Вы мне это не запретите». Когда я сказал, что за дерзость будет наказан, он ответил: «Ну это посмотрим, я не вижу дерзости в моих словах». Дерзость Камчатова находится в связи с тем, что большинство учеников VIII класса крайне недовольны мною за запись 7 ноября по поводу пения их в классе, что выказывают крайне грубым и невежливым отношением со мною с самого утра». Камчатов был наказан карцером на 2 часа в воскресенье [52].

В большую перемену ученики могли пить чай в гимназии, а могли уходить домой, но для этого необходимо было разрешение – «отпускной билет». Накануне происшествия с Камчатовым Чернышев и несколько его

одноклассников «самовольно находились в шинельной в большую перемену, без отпускного билета сходили домой завтракать в большую перемену», за что были оставлены на 1 час после уроков [53], а еще через два дня Тит опоздал на 3 минуты с большой перемены и тоже был оставлен на 1 час [54]. Еще хуже поступили 3 ученика его класса 1 сентября – они в большую перемену пили чай в кофейной на Большом проспекте! За это они на месяц были лишены льготы ходить домой в большую перемену и оставлены на 1 час [55]. Вообще же в VII – VIII классе серьезных нарушений не было, самым частым и обычным проступком учащихся было опоздание на утреннюю молитву перед уроками, в чем неоднократно был замечен и Чернышев, стандартное наказание заключалось в оставлении на 1 час после уроков. Думаю, что под словом «опоздание» подразумевалось то, что на молитву они не приходили вообще, но прямо писать о таком массовом пренебрежении благочестием было не принято.

Также часто записи в кондуитном журнале делал и.о.инспектора Мартын Иванович Реммик, чех по национальности, учитель греческого. Например: «Когда я объявил ученикам VI класса, что ученик VI класса Андреев должен внести плату за танцы, то Гершенович закричал: «Он не танцует!» - объявлен выговор, оставлен на 1 час после занятий» [56]. Уроки танцев были введены в гимназии в 1895/96 годах, плата за них составляла 5 рублей в год, вел их артист императорских театров М.М.Федоров. Бальными танцами заканчивались платные литературно-музыкальные вечера в гимназии, на которых выступали ученический хор и оркестр, а старшеклассники разыгрывали сцены из произведений Фонвизина, Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Чехова и других русских писателей [57].

Посещение же городских развлекательных заведений было строго ограничено. «Ученикам строжайше воспрещается посещать маскарады, клубы, трактиры, сады при них, кофейни, кондитерские, бильярдные», а также «следующие увеселительные места: Крестовский сад, Баварию, Ливадию, Демидов сад, Тарасов сад и другие подобного рода заведения с

платою за вход» и театры, «в коих обыкновенно даются пьесы сомнительного содержания». Разрешалось посещение «таких садов, как Зоологический, Павловский, Озерки» и Летнего сада до 10 часов вечера. Строго воспрещалось также «курение табаку, употребление крепких напитков, ношение тросточек, хлыстов, палочек». Помимо правил, некоторые запреты для учеников Введенской гимназии дополнительно вводились постановлением педсовета. Так, в 1894 г. было запрещено посещение Пассажа на Невском проспекте, «ввиду необходимости оградить юношество от неподходящей для него среды», а в 1896 — пребывание на катке у Тучкова моста после восьми часов вечера, так как «в этом месте происходят по вечерам безобразия (посетители курят, пьют спиртные напитки, окружают собирающихся там неприличных женщин)» [58].

Что касается собственно обучения, то в младших классах гимназии преподавались Закон Божий, русский язык, арифметика, география (до IV класса), латинский язык, история и греческий язык с III класса, со II класса — так называемые «новые языки», т.е. французский и немецкий, из которых можно было выбрать один. С IV класса добавлялись алгебра и геометрия, а с VI класса — тригонометрия и физика, в VIII классе по всем предметам шло повторение, дополнительно изучались логика и математическая география, которая, по-видимому, включала в себя элементарные сведения по геодезии и картографии, а также астрономии [59]. Оценки у всех учеников по этому последнему предмету были хорошие: у Блока — 5, у Чернышева — 4. Надо сказать, что в целом средний балл А.Блока по всем 12 гимназическим предметам — $3\frac{7}{11}$ — был ненамного выше, чем у моего прапрадеда — $3\frac{2}{11}$ [60].

Возможно, методика преподавания в гимназии была не самой передовой, но она была последовательно продуманной и отработанной многими годами. Например, учитель русского языка и словесности в младших классах, где изучалась грамматика русского и старославянского языка, Иван Яковлевич Киприанович сам был автором нескольких

гимназических учебников по своему предмету. Этот «добродушный, чистенький старичок», прослуживший в гимназии 30 лет, был чрезвычайно педантичен и требовал дословных ответов по своим учебникам. «Тройку» у него было получить легко, но не более того. Блок никогда не получал у него выше «четверки». Киприановичу, по семейному преданию, принадлежала запись в дневнике Александра: «Блоку нужна помощь по русскому языку», которая даже тогда вызвала у родных будущего поэта только смех [61]. В старших классах, где, начиная с V класса, изучалась собственно словесность, т.е. литература, преподавал Антон Егорович (или Георгиевич, как он велел себя называть) Суровцев. «Страшно живой и нервный человек, лет около 40», он многое рассказывал ученикам помимо учебника, относился к своему предмету заинтересованно и даже пристрастно, например, любил Тургенева и не любил Толстого. «Довольно резкий, он все же не вызывал озлобления к себе, и к нему относились с некоторой любовью, даже гордились им, и класс он умел держать в руках, вел его хорошо. Будучи библиотекарем гимназической библиотеки, он заботился о ней. С ним можно было поговорить, он указывал иногда книжки, давал советы, мог пробудить интерес к гуманитарным наукам» [62]. О серьезности и глубине изучения русской словесности говорит, например, тема выпускного сочинения - «Значение для русской литературы ложноклассического ее периода» (имеется в виду литература XVIII века от Тредиаковского и Ломоносова, Фонвизина и Державина до Карамзина, который осуществил реформу языка и открыл новое направление в литературе – сентиментализм – прим. Авт.) [63]. Блок получил за экзамен 4, а мой прапрадед - 3.

По латинскому и греческому языку изучалась не только грамматика, не только отрабатывались навыки перевода текстов на русский язык и с русского, но в старших классах изучались, хотя и адаптированном виде, оригинальные классические произведения: «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря, речи Цицерона, стихотворения Овидия, «Энеида» Вергилия, тексты Платона и Геродота, «Илиада» и «Одиссея» Гомера...[64] Конечно,

это было далеко от обычной жизни учеников и неприменимо к их будущей профессиональной деятельности, разве только они планировали посвятить себя изучению классической филологии или юриспруденции в университете. Но разве все, что изучают в школе, должно отвечать сугубо утилитарным потребностям? Ведь, например, тому, кто не знает истории античности, не будет понятна очень большая часть произведений искусства, не только древнего, но и нового. Классическое образование было задумано так, чтобы создавать базу для развития широко образованного культурного человека. К тому же изначально целью классического гимназического образования (когда оно было доступно немногим) было именно поступление в университет, хотя в 1890-е годы это уже было нужно далеко не всем выпускникам, число которых значительно увеличилось, и такая программа уже не соответствовала требованиям времени. Учителем был Арношт Федорович Влашимский, чех по национальности, который плохо знал русский язык, и поэтому гимназисты постоянно над ним смеялись. Однако он был первым, кто высоко оценил перевод Блоком стихотворения Овидия, сделанный в V классе.

По новым языкам для изучения в старших классах также предлагались оригинальные тексты. Учитель французского языка Павел Григорьевич Мижуев, бывший морской офицер, талантливый педагог и ученый, был составителем сборника текстов из произведений французских авторов, который непосредственно использовался в гимназии. В VII классе ученики читали в подлиннике роман Фенелона «Приключения Телемака», написанный в конце 18 века и чрезвычайно известный тогда в Европе и в России (переводили: Третьяковский – «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй» - цитата, использованная Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву» как характеристика крепостного права, взята именно из его перевода, Ломоносов и Державин). Кроме увлекательного сюжета о приключениях сына Одиссея в поисках отца, в нем содержалось и повествование о фантастической стране Саленте, устроенной на принципах

добра и справедливости. В VIII классе изучали историческое сочинение Вольтера «Век Людовика XIV». Немецкий язык преподавал Людвиг Карлович Якобсон, выпускник Дерптского университета (один из старейших университетов Российской империи, теперь - Тартуский университет – прим. Авт.). На уроках немецкого языка в VI классе ученики читали сказки Гауффа, в VII классе – поэму Гете «Герман и Доротея», рассказывающую о любви простого и доброго немецкого парня и девушки-беженки, спасшейся в Германии от Великой французской революции. В VIII классе изучали более сложную по проблематике пьесу Шиллера «Вильгельм Телль» о легендарном стрелке, швейцарском народном герое XIV века, боровшемся за независимость своей родины от Австрии [64]. Блок изучал оба языка, хотя французский давался ему лучше. Однако, сопровождая свою мать и тетю в поездке в Бад-Наугейм в 1897 году, он мог объясняться и даже шутить по-немецки. Так, про старую жесткую курицу, поданную ему и его спутницам в ресторане, он сказал: «Nicht alles was altes ist gut» (Не все, что старо, то хорошо) [65]. Тит Чернышев не изучал в старших классах немецкий язык, а только французский, но, возможно, получил какие-то знания в младших классах, потому что при поступлении на службу на Петербургский Почтамт в 1911 году (через 13 лет!) он смог их подтвердить. По французскому языку – «3 - перевод при помощи словаря отрывка из иностранной газеты, чтение писанных адресов», по немецкому языку – «2 - свободное чтение текста на иностранном языке». Это позволило ему получить место «почто-телеграфного чиновника V разряда в 1 экспедиции иностранного отделения» [66].

Физику в гимназии преподавал Евгений Александрович Роговский. Будучи талантливым ученым, он являлся помощником редактора научного журнала и вел занятия в университете, а в двух гимназиях (Введенской и Покровской) преподавал только «вероятно, по нужде, и потому был страшно раздражителен, дело вел спустя рукава – у него и не учились и ничему не

выучивались» [67]. Впоследствии он уехал из Петербурга и работал в Харьковском университете. И Блок, и Чернышев по физике имели оценку 3.

Александра Николаевича Толмачева, учителя математики, ученики не любили за формальный подход к обучению. Несмотря на преимущественно гуманитарную направленность гимназического образования, программа по математике, по-видимому, была все же довольно насыщенной. Об этом можно судить по предлагаемым на выпускном экзамене задачам. По алгебре: «Несколько мальчиков и девочек получили за сбор яблок с деревьев от садовника всего 1 рубль 7 коп. Сколько было мальчиков и сколько девочек, если каждая девочка получила столько копеек, сколько единиц в сумме корней уравнения $z^2 - 22z + 25 = 0$, а каждый мальчик получил столько копеек, сколько членов в арифметической прогрессии, в которой второй член равен 7, четвертый член равен 13, а сумма всех ее членов равна 286?» По геометрии: «Вычислить объем правильной шестиугольной пирамиды, у которой ребро основания равно 0,78 аршин, а боковая грань наклонена к основанию под углом $78^{\circ}27'46''$ ». Экзамен и Блок, и Чернышев сдали одинаково – на 3, но в аттестат Блок получил общую оценку 4, а Чернышев 3 [68].

Из 36 выпускников, окончивших гимназию в 1898 году, 26 человек изъявили желание поступить в университет, а 10 человек – в другие специальные высшие учебные заведения, большинство (7 человек) – в Институт Путей сообщения и Горный институт [69]. На них были затребованы и отосланы в соответствующие учебные заведения с грифом «Секретно» характеристики. В характеристике Блока написано: «Ученик с хорошими умственными способностями, занимался довольно ровно в течение гимназического курса. Вежливый и скромный молодой человек, ни в чем дурном никогда не был замечен. Вполне обеспечен в материальном отношении» [70]. Мой прапрадед Тит Чернышев характеризовался как «ученик с довольно порядочными умственными способностями, в течение гимназического курса иногда недостаточно прилагал усердие к своим

занятиям, почему и стоял во второй половине класса по успехам; несколько беспечный ученик, ни в чем дурном не был замечен. Материально обеспечен» [71]. В его аттестате (Прил. 8, 9) есть подписи всех педагогов, о которых говорилось выше. Так же выглядел и аттестат Блока, только оценки в нем были получше [72].

В 2015 году была опубликована проданная на московском букинистическом аукционе групповая фотография учащихся и педагогов Введенской гимназии, среди которых есть Александр Блок, датируемая примерно 1896 годом (Прил. 10). Исследователи уверенно указывают, что Блок на ней стоит в четвертом ряду, первый справа [73]. К сожалению, так же уверенно идентифицировать на ней моего прапрадеда не представляется возможным, ввиду плохого качества изображения. Но все-таки я надеюсь, что он там есть. Фотография Блока-гимназиста (Прил. 11) и фотография Тита Чернышева из личного дела, сделанная в 1898 году (Прил. 12) запечатлели молодых людей, каждый из которых еще

«...не знал, на каком пороге
Он стоит, и какой дороги
Перед ним откроется вид» [74]

Университетский устав 1884 года, так же, как и предыдущий, предусматривал отсутствие вступительных экзаменов для тех, кто окончил полный курс гимназии [75]. В том же году Блок поступил на юридический факультет университета, а через три года перевелся на историко-филологический, который и окончил в 1906 году. Тит Чернышев поступил на физико-математический факультет, через два года перевелся на юридический, в общей сложности проучился в университете почти 10 лет, успел обзавестись семьей и детьми, но экзаменов не сдавал и курс не кончил. Как писал Княжнин о выпускниках Введенской гимназии: «Были... и такие, которые потолкавшись по окончании гимназии года полтора на юридическом факультете университета, уходили вольноопределяющимися в войска. И это был все же лучший... удел!» [76] Так и мой прапрадед, «потолкавшись»,

правда, по своей «беспечности», в университете подольше, до 1909 года, отслужил 1 год в армии как вольноопределяющийся. Вольноопределяющимися назывались те, кто добровольно поступил на службу на льготных условиях до того, как они подпали под общую процедуру призыва, при которой призываемые на службу определялись жеребьевкой, а не вынужденные призывной жребий — освобождались от призыва и зачислялись в ополчение. Те, кто окончил гимназию, могли отслужить 1 год вместо 2 лет, они хоть и считались нижними чинами, но имели особые знаки различия, и среди офицеров считалось хорошим тоном обращаться к вольноопределяющимся на «Вы» [77]. После службы Тит вышел в отставку в звании унтер-офицера запаса и поступил на службу на Петербургский Почтамт [78].

Выводы по 3 главе: гимназическое образование в конце XIX - начале XX века, потеряв в действительности основное назначение – подготовку к поступлению в университет, сохранило по инерции преимущественно гуманитарный, отвлеченный от жизни характер, не отвечающий новым, более практическим, задачам. Такой тип образования уже воспринимался как устаревший и не соответствовал потребностям учащихся, в основном происходивших из среды мелких чиновников. Нежелание менять устаревшую модель приводило к необходимости поддержания жесткой дисциплины и крайнему консерватизму в формах обучения, что вызывало отчуждение между учителями и учащимися.

Глава 4. Восьмиклассное коммерческое училище в Лесном (Единая Трудовая школа №168)

В 1906 году, будучи еще студентом Санкт-Петербургского университета, сын надворного советника Тит Дмитриевич Чернышев, мой прапрадед, получив разрешение ректора и попечителя С.-Петербургского учебного округа, женился на дочери губернского секретаря Александра

Адольфовича Лидке (также в ряде документов встречается написание «Литке» - *Авт.*) Евгении Александровне, моей прапрабабушке [79]. Он стал жить вместе с семьей своей жены в Лесном (Лесной участок, Старо-Парголово пр., дом 13 – теперь пр.М.Тореза – *Авт.*) (Прил. 13). У молодых супругов вскоре родился сын Евгений, мой прадедушка, потом еще сын Александр и дочь Вера (Прил. 14). По-видимому, молодой семье помогала свекровь Надежда Константиновна Чернышева, которая владела домом и участком на Петроградской стороне (Большой пр., д. 62-62а – *Авт.*) и сдавала комнаты внаем [80]. В 1909 году она умерла, и дом был продан за долги.

Лесной - исторический район на Выборгской стороне. В XIX веке он был дачным пригородом, где селились семьи небогатых мещан и чиновников. Сначала эта местность называлась «дачами за Лесным институтом», а потом просто Лесным - по Лесному институту (позднее преобразован в Лесотехническую Академию, теперь Санкт-Петербургский государственный Лесотехнический университет им. С. М. Кирова), появившемуся здесь еще в 1811 году.

В последнее десятилетие XIX века остро встал вопрос о необходимости иметь в Лесном среднее учебное заведение, в которой могли бы учиться дети местных жителей, поскольку ближайшая гимназия находилась в городе на расстоянии шести верст. А, например, одноклассник Тита Чернышева, сын приват-доцента Лесного института Лев Кучеров, приятель Блока, проживая в Лесном, посещал Введенскую гимназию на Петербургской стороне, которая была еще дальше. В 1902 году был образован «Временный комитет по открытию в Лесном мужского среднего учебного заведения» под председательством директора Политехнического института (теперь Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) князя Андрея Григорьевича Гагарина.

В этом же 1902 году как раз начались занятия на четырех отделениях еще строящегося здесь Политехнического института, и это событие сделало

Лесной третьим академическим центром Петербурга, наряду с Университетом и Горным Институтом на Васильевском острове и Технологическим институтом и Институтом инженеров путей сообщения Императора Александра I на Забалканском (теперь Московском – *Авт.*) проспекте. Промышленный подъем, начавшийся в России в конце XIX века, требовал создания системы отечественного политехнического образования, технических институтов, дающих выпускникам не узкоспециальные, а широкие фундаментальные знания. Подготавливать к поступлению в такие институты должны были также учебные заведения нового типа, отличающиеся от классических гимназий. Уже с 1898 года работало Тенишевское училище на Старо-Петергофском проспекте (теперь пр. Стачек), основанное русским этнографом и социологом князем В.Н.Тенишевым. Его расширенная программа, включающая как общее образование, так и специальные предметы, такие как коммерческие дисциплины и историю искусств, образовательные экскурсии и практические занятия по естественным наукам, была взята за образец для Коммерческого училища в Лесном (бывший директор Тенишевского училища, выдающийся педагог-методист В.А.Герд входил в состав Временного комитета по открытию училища).

В сентябре 1904 году в здании, построенном на углу Малой Объездной улицы и Институтского проспекта, начало работать Восьмиклассное Коммерческое училище (сокращенно - ВКУ) Общества распространения коммерческого и художественно-промышленного образования в Лесном (Прил. 15). Оно состояло при Министерстве торговли и промышленности, которое на тот момент было менее консервативным, чем Министерство народного просвещения. В его Попечительный совет вошли многие педагоги и научные сотрудники, связанные с Политехническим и Лесным институтами. Целью деятельности училища объявлялось «дать ученикам законченное общее образование, подготовить их к сознательному прохождению курса в высших учебных заведениях; развить в них

самодеятельность, трудолюбие и истинный интерес к знанию». Предполагалось, что «в целях развития в учениках чувства долга и сознания своих обязанностей, в школе не должны применяться ни награды, ни наказания, ни вообще всякого рода меры воздействия на ученика, чтобы заставить его заниматься» [81]. Из других передовых нововведений следует отметить самоуправление, пере выборы директора каждые четыре года и введенное в 1906/07 учебном году совместное обучение мальчиков и девочек.

Один из воспитанников училища, обучавшийся в нем в 1911-18 годах, вспоминал в 1971 году, возможно, в чем-то идеализируя свою юность. «Росли мы в благоприятных условиях. Лесной нашей юности был чудесным уголком старого Петербурга. Весь в зелени, на тихих улицах в садах рассыпаны небольшие двухэтажные дома. Тишина, воздух, солнце, простор... Население Лесного состояло, в основном, из трудящейся интеллигенции, и питомцы коммерческого училища часто являлись детьми профессорских семей и педагогического персонала двух больших институтов – Политехнического и Лесного. Этим определялся общий культурный уровень учащихся... Религия не оставила нам веры, но в какой-то мере сохранила свою этику... У нас не было грубости, неприличных слов, наглого ухаживания, курения, карточной игры, драк... Общественное мнение класса легко выявлялось и определялось без всяких собраний и совещаний, особенно активны были девушки, будущие матери и врожденные моралистки. Воспитание было демократическим, все ходили одинаково одетые – в рабочие передники – как мальчики, так и девочки. Не было никакой национальной или классовой дискриминации: в классе учились не только русские дети, но и грузины, эстонцы, евреи, поляки, немцы, татары, итальянцы. На одной парте могла сидеть дочь профессора и дочь домработницы, это никого не удивляло и не интересовало... Девушек отличала скромность и отсутствие всякого кокетства... За восемь лет совместной учебы и игр между мальчиками и девочками проявлялась иногда легкая влюбленность, но она быстро проходила, как корь» [82].

Надо отметить имевшееся у воспитанников и преподавателей училища некоторое предубеждение по отношению к гимназиям, которые считались прибежищем «богатых сынков» и очагами снобизма, и гимназистам. Например, у мальчика могли спросить: «Зачем ты гуляешь с гимназисткой? Почему бы тебе не пригласить нашу девочку?» В этом проявлялись, с одной стороны, сплоченность и верность своему сообществу, во все времена особенно характерные для молодежи, – например, такое же по сути, хотя и более грубое по форме, противостояние «Рощи» (уличных подростков) и «синей говядины» (гимназистов). Как тут, кстати, еще не вспомнить мушкетеров короля и гвардейцев кардинала! С другой стороны, не следует забывать, что подобные училища создавались тогда как некая альтернатива классической гимназии, учителя сознательно строили отношения с учениками и друг с другом на демократических принципах и открыто осуждали устаревшую систему образования.

Те, кто имел опыт обучения в других учебных заведениях, сразу отмечали разницу в атмосфере. Например, одна девочка, которая переехала в другой город и поступила в гимназию, вспоминала, как ей стало скучно там ходить на перемене парами по кругу. В училище дети на переменах могли бегать, играть, кричать, выбегать во двор в теплое время года. Одна из учительниц вспоминала о своем первом впечатлении (1916 год): «Я увидела двор, отгороженный от дороги рядом стройных елок и берез, в глубине двора здание, наполовину кирпичное, наполовину бревенчатое, а во дворе – дети – мальчишки, девочки, почти все в голубовато-серых халатиках (так же одевались и многие учителя – *прим. Авт.*). Они бегали, прыгали, играли, громко смеялись (Прил.16). Эта картина меня поразила, она до сих пор стоит перед моими глазами. Навстречу мне с широкого крыльца спустился директор и пригласил меня в свой кабинет. Ребята обступили его, здороваясь. Один мальчуган вытянулся перед ним и отдал честь, а директор потрепал его по голове, и это тоже поразило меня. «Я хочу работать в этой школе»,- подумала я» [82].

Как оказалось, многие из моих родственников учились в ВКУ. Так, у родителей моей прапрабабушки Евгении, Александра Адольфовича и Антонины Васильевны Лидке было семеро детей, шесть девочек (Евгения была третьей) и один мальчик, Николай, 1892 года рождения (Прил.17). Отец семейства, выходец из семьи обрусевших немцев, лютеранин, работал гравером, но денег не хватало. Тем не менее, единственного сына, когда ему исполнилось 12 лет, было решено отдать во второй класс только что открывшегося Коммерческого училища. В мае 1905 года он сдал вступительные экзамены не только по Закону Божию, русскому языку и арифметике, но и по природоведению и рисованию, также была отмечена необходимость заняться немецким языком, который в училище изучали с I класса, а он его совсем не знал [83]. К сожалению, несмотря на то, что Николая благожелательно приняли в коллективе училища, не раз освобождали от платы за обучение из-за плохого материального положения семьи, учеба не ему не давалась. При этом ставить оценки в училище, кроме итоговых в свидетельстве об окончании, было не принято. Так, в ведомостях Николая на месте четвертных и годовых оценок стоят штампы «Успешно», иногда с припиской «Не», иногда «Не вп[олне]» (Прил. 18). В конце концов было замечено, что «он не только болезненный ученик, но и уклоняется от аккуратного приготовления уроков». Поэтому, проведя по два года в пятом и шестом классе, в мае 1912 году он был выпущен из шестого класса училища с правами по отбыванию воинской повинности, предоставленным выпускникам учебных заведений первого разряда. По-видимому, он воспользовался этим и пошел в армию вольноопределяющимся, потому что на фото семьи летом 1913 года он снят в соответствующей военной форме (Прил. 19) По принятому в 1912 году новом Уставу о воинской повинности [83] он должен был отслужить два года (или полтора года, если сдавал экзамен на офицерский чин). Имеющаяся в деле копия свидетельства получена в 1915 году, вероятно, ему потребовалось подтверждение льгот, для того, чтобы демобилизоваться. (Прил. 20)

На том же фото рядом с матерью, Евгенией Александровной, стоит и Евгений, сын Тита Дмитриевича Чернышева (второй слева в первом ряду), которому уже шесть лет. В 1916 году, когда ему исполнилось 9 лет, он сдал экзамены (математику, правда, только со второго раза) и поступил в училище. На групповой фотографии, сделанной в год поступления, он находится среди своих однокашников и преподавателей училища (Прил. 21). Здесь же и старшие брат и сестра моей прабабушки Елизаветы Андреевны Чаловой, которая впоследствии стала его женой, - Василий и Анна. Закончил учебу Евгений в 1923 году, когда Училище стало уже 168-й Единой Трудовой школой Выборгского района. На фото выпускного класса есть и многие учителя, в этом классе учился и один из сыновей директора, Геннадий Боч (Прил. 22).

Любопытна анкета на четырех листах из 49 вопросов, которую должны были заполнить родители нового ученика [84]. Вопросы касались здоровья, питания, образа жизни, интересов и привычек, режима дня ученика, причем были очень подробными. Так, про здоровье и питание было всего 9 вопросов, в том числе: «Не было ли в жизни ребенка выдающихся событий, которые бы повлияли на его здоровье или душевное развитие?... Не болел ли краснухой, корью, скарлатиной, натуральной оспой, тифом: брюшным, сыпным, возвратным, дифтеритом, воспалением легких, коклюшем, свинкою и, если болел, то в каком возрасте?... Нет ли нервных симптомов: головокружений, мигрени, или других?... Какой пище отдает предпочтение: мучной, жирной, сахаристой, мясной, твердой или жидкой (любит ли супы)? Каков вообще аппетит?» Про образ жизни: «В своей ли семье живет?... Освещается ли комната, в которой ученик занимается, солнцем?... Каким светом ученик пользуется при занятиях (электр., газ, керосин, свечами)? Ответ: Керосиновым.... Гуляет ли до обеда?... Сколько времени проводит на улице после обеда?» Про интересы и привычки: «Катается ли на коньках, лыжах, на лодке, на велосипеде, верхом?... Делает ли дома какие-либо физические упражнения (гимнастика и т.п.) (ручн.тр)?... Занимается ли музыкой,

рисованием, иностранными языками (кроме проходимых в училище) и сколько времени?... Исполняет ли какие-либо обязанности по дому?... Любит ли читать?... Какие книги предпочитает (сказки, рассказы, стихи, историю, путешествия)?» Про режим дня: «В котором часу встает? Тотчас ли, после пробуждения, встает? В котором часу ложится? Скоро ли засыпает? Покоен ли сон? Часто ли ходит в баню или берет ванну?»

Такой интерес к личности ученика объяснялся особым подходом к педагогическому процессу, который практиковался в училище. Вот что писала позднее в своих воспоминаниях воспитательница (сейчас бы мы сказали «классная руководительница») одного из классов: «Мы называемся здесь не воспитателями, а наблюдателями. Предполагается, что воспитывают ребят родители, мы же должны наблюдать, как дети проявляют себя в школе, на уроках, в перемены – на дворе, в зале. В тревожных случаях мы должны информировать родителей и вообще держать их в курсе успеваемости и поведения детей». Классным руководителям предоставлялось право самим вырабатывать и проводить в своем классе на практике воспитательную систему в духе «общих принципов либеральной школы», но коллеги наблюдали за ними и корректировали их работу с помощью наблюдательного совета [85]. Нового преподавателя принимали в школу после знакомства с другими учителями и последующего общего голосования их, «баллотировки» [86]. Такой подход установился не сразу, он был связан с избранием на должность директора в 1909 году Геннадия Николаевича Боча, яркого талантливого педагога и незаурядного ученого, автора нескольких учебников (первоначально директором был Леонид Николаевич Никонов, ученый-ботаник, преподававший еще в нескольких гимназиях Санкт-Петербурга). Геннадий Николаевич начинал свою научную деятельность в области почвоведения и биологии в Лесном институте, где в 1917 году получил звание профессора.

Геннадий Николаевич преподавал химию и биологию, как и Борис Евгеньевич Райков (работал до 1918 года). Они были новаторами в

методологии, особое внимание уделялось не только наглядности, но и эксперименту. Они своими руками оборудовали кабинет, где на уроках биологии ученики сами препарировали насекомых, моллюсков, лягушек и т.д. (Прил. 23, 24) Это, правда, требовало дополнительных затрат на организацию работы (так, в классе было 12 микроскопов – на каждой парте!) и содержание «раздаточного материала». Многие выпускники впоследствии стали биологами, химиками, геологами, но главное было даже не в выборе профессии, а в подходе к освоению знаний, заинтересованности, творческом подходе, который ученики видели в учителях. Вместе с тем в отношении к учебному процессу они оставались «на позициях старой гимназии, где ценились строгость, даже жесткость, неукоснительное знание учебника, каждодневная проверка знаний и суровая их оценка» [87].

Но отношений вне уроков это не касалось. «Мы не знали той жестокой, беспощадной войны, которую вели между собой ученики и педагоги в старой гимназии... Не знали мы и современного свободного обращения учеников с педагогами, ложно понимаемого чувства равенства, которого нет и не может быть между преподавателями и учащимися. С детских лет нас учили вежливости, учтивости, такту». Ученики уважали своих педагогов, «основным качеством которых были большая, многосторонняя культура, гуманность, либерализм (в лучшем смысле этого слова), большое профессиональное увлечение, прекрасный русский язык, высокие моральные принципы....» «Они-то и делали педагогическую политику в школу – Закс (история), Максимова (география), Трофимов (русский язык), Кулишер (математика), Оранский (законоведение), Селиверстов (физика), Андерсон (политическая экономия)...Они-то и были создателями той мягкости и доброжелательности отношений, которые характеризуют нашу школу того времени». [87]

Вот, например, как преподавал историю Михаил Яковлевич Рудинский (работал в 1915-17 годах): «Говорил он легко, интересно, немного слишком артистично, совсем не по учебнику... Впрочем, так же поступал и его

предшественник Арт Яковлевич Закс (работал с 1901 по 1915 годы). Вместо того, чтобы рассказывать нам о Пелопонесской войне, он читал нам речи Спасовича (Владимир Данилович Спасович (1829-1906) – выдающийся адвокат и общественный деятель, историк польской литературы – *прим. Авт.*) и князя Урусова (вероятно, князь Александр Иванович Урусов (1843-1900) – адвокат, яркий судебный оратор, литературный и театральный критик – *прим. Авт.*), да заставлял учить стихи Бунина (Иван Алексеевич Бунин – русский писатель и поэт, получивший впоследствии в 1933 году Нобелевскую премию по литературе – *прим. Авт.*). А Анна Николаевна Максимова на уроках географии знакомила нас с «Былое и думы» Герцена. Вместо уроков мы иногда всем классом ходили в музеи, на выставки, знакомились с заводской работой. Учебную работу наши учителя старались сделать интересной, разнообразной, наглядной, широко внедряя элементы культуры, часто вовсе не по своей прямой педагогической специальности» [87].

С другой стороны, эти новые подходы, если они проводились слишком радикально, не всегда давали ожидаемые результаты. Например, тот же Рудинский демонстративно отказался от оценок («...спрашивать я вас не буду, все получают оценку «пять», это вам надо знать историю, а не мне – я ее знаю»). Однажды он все же провел письменную работу, задав нестандартный вопрос, требующий рассуждения: «Почему королевская власть во Франции привела к абсолютной монархии, а в Англии – к парламентскому режиму?» Ответ, по его мнению, вполне могли бы дать его внимательные слушатели, тем более что было разрешено пользоваться конспектами и любыми книгами. Но никто, даже лучшие ученики, не ответил сколько-нибудь удовлетворительно, и он был разочарован. Александр Рувимович Кулишер, учитель математики, написавший даже впоследствии учебник по методике преподавания, хоть и стремился к наглядности, задавал дома клеить модели пространственных тел, водил экскурсии на предприятия, но работал преимущественно с успевающими учениками, а на остальных почти не

обращал внимания: дисциплина на уроках не соблюдалась, многие ученики занимались своими делами, а, будучи выставлены за дверь, развлекались там, как могли. Поэтому преподаватели в вузах впоследствии частенько жаловались на слабую подготовку его выпускников. Начиная свою деятельность Абрам Федорович Иоффе, будущий академик, которого называют «отцом советской физики», преподавал в училище физику в 1907-08 годах, тоже старался рассказывать интересно и все показывать на примерах, но к концу года выяснилось, что физику никто не знает. Он расстроился, поставил всем «неуспешно», которые потом совершенно произвольно исправлял на «успешно». Вероятно, новая система преподавания должна была быть все же более продуманной и охватывать все стороны учебного процесса, в том числе и обратную связь, а не сводиться к личным талантам учителя. Так что педагоги старой школы поступали правильнее, когда наряду с живым изложением материала все же не забывали строго спрашивать пройденное на каждом уроке.

Чрезвычайно развита была внеклассная работа. Прежде всего надо отметить экскурсионную работу: было много экскурсий в музеи и на природу, прежде всего, в парк Лесотехнической Академии, в чем существенно помогали ее профессора, особенно Дмитрий Никифорович Кайгородов – выдающийся ученый, «отец русской фенологии» (науки о сезонных явлениях природы – *прим.Авт.*), который в свое время разработал программу по природоведению для младших школьников. Один из учеников вспоминал: «Геннадий Николаевич был хорошим организатором. Экскурсии в природу (на болото, откуда мы привозили домой росянок, на разрез карьера на реке Тосно – там мы собирал окаменелости, в Дудергоф) были настоящим праздником. Боч оказывался не «страшным» директором и не учителем химии, а старшим товарищем, который бегал наперегонки с нами и всегда обгонял нас, или спортсменом, который показывал, как на быстром бегу падать, не ушибаясь. Домой мы всегда возвращались какими-то обновленными» [88].

Было много и дальних многодневных экскурсий. Эти экскурсии долго подготавливались, а после их проведения устраивались отчетные вечера с выставками, где все участники экскурсии должны были выступить. Ездили в Москву, в Новгород и Волховстрой, Старую и Новую Ладугу, в Крым, на Кавказ, на Север – в Мурманск и Хибины. Нередко педагоги, проводившие эти экскурсии (наиболее активны были Г.Н.Боч и А.Я.Закс), вкладывали свои средства, если кончались собранные родителями в экскурсионный фонд деньги или возникали непредвиденные обстоятельства. И хотя ребята сильно уставали – иногда по приезде отсыпались целую неделю, но все были очень довольны.

После революции в школе учились дети из детского дома, за экскурсии для которых не могли заплатить родители, но директор всегда изыскивал средства, чтобы и они могли поехать вместе со всеми. Так, например, в 1918 году, после смерти отца, Тита Дмитриевича, мой прадед Евгений Чернышев оказался в детдоме, так же, как и дети Чаловых после смерти их отца в 1917 году, – в тяжелые годы после революции осиротевшие семьи попросту были не в состоянии прокормить своих детей. Документального подтверждения участия Евгения в таких экскурсиях я пока не нашла. Однако, много лет спустя, будучи заместителем директора ВНИИМ им.Менделеева, он после своих зарубежных командировок делал для себя альбомы, в которые помещал фотографии, открытки, афиши, газетные вырезки, билеты и другие материалы, связанные с поездкой. Я видела эти альбомы в музее ВНИИМ, куда они попали уже в 2006 году. Мне кажется, такой бережный и вдумчивый подход к воспоминаниям о поездках, желание поделиться ими – это отголоски его школьного детства, тем более что сами такие поездки в 1950-60-е годы были доступны немногим.

В 1916-18 году в училище работал краеведческий кружок по изучению Лесного. С ребятами там занимались учителя истории М.Я Рудинский, М.К.Азадовский и учитель русского языка В.А.Трофимов. Участники собирали материалы, делали доклады. Материалы кружка сохранились в

ЦГИА СПб. В октябре 1916 года под руководством Рудинского кружковцы предприняли археологическую экспедицию, в ходе которой была найдена стоянка каменного века у Тарховки. Педагогические и методические приемы, использованные в деятельности кружка, были во многом новаторскими [89].

Отдельно нужно сказать о школьном театре. Он был серьезным делом - ставились сложные и длинные пьесы, причем старались выбирать такие, где было много действующих лиц, чтобы многие ученики смогли поучаствовать: «Горе от ума», «Мещанин во дворянстве», «Майская ночь», «Снегурочка». Иногда ставились пьесы собственного сочинения – например, один класс, когда изучали историю Средних веков, поставил такой спектакль из средневековой жизни. Как удалось узнать, «Снегурочка» была поставлена в 1923 году силами именно того класса, где учились Евгений и брат и сестра Чаловы. Моя мама рассказывала мне, что и моя прабабушка Елизавета Андреевна Чалова вспоминала, как играла Лизу в спектакле «Горе от ума» - все как положено, и часы переводила в первом действии, и с Молчалиным кокетничала. Хотя пока не удалось найти документального подтверждения того, что и она училась в 168 школе (Елизавета окончила школу в 1927 году), но это очень вероятно, с учетом этого воспоминания, потому что такие полномасштабные постановки вряд ли практиковались где-то еще. Режиссером обычно был сам директор Геннадий Николаевич Боч, помогала ему Маргарита Евгеньевна Буринская, которая до 1914 года вела в училище занятия по гимнастике, а потом преподавала историю. Ее доброту и внимательность к ученикам они с признательностью вспоминали потом через многие десятилетия.

Эскизы декораций к спектаклям делал пришедший на работу в училище в 1918 году Николай Александрович Бруни, талантливый живописец-монументалист и мозаичист, который до революции был профессором и академиком (1906) Академии художеств, а рисовал их его сын Константин, тоже художник. О Николае Александровиче через многие годы его ученики вспоминали, как о человеке редкого обаяния и сердечности,

настоящем друге. Он говорил, что долг старости в том, чтобы донести свой факел непогасшим и передать его молодости – факел знаний, веры в добро, творчества. Когда он вышел на пенсию, ученики продолжали навещать его, слушали его рассказы об искусстве.

Некоторые учителя также были не чужды искусству, хотя их предметы и не были напрямую с ним связаны. Так, преподаватель зоологии и анатомии с 1920 года Виктор Ипполитович Волошинов руководил музыкальным кружком, играл ученикам на рояле классические произведения русских и зарубежных композиторов – это были так называемые «уроки слушания музыки». Преподаватель математики профессор В.М.Филиппов после занятий в кружке по подготовке к экзаменам декламировал ученикам стихи, особенно проникновенно звучащие весенними светлыми вечерами. Учитель русского языка и литературы Василий Васильевич Трубицын руководил школьным сборным оркестром, в котором играли ученики и младших, и старших классов. К музыке приобщал ребят и учитель физики Степан Степанович Селиверстов – он водил их на концерты в консерваторию, а еще учил их читать стихи гекзаметром.

Заложенные в самом начале принципы деятельности училища оставались основой его работы после революции и в двадцатые годы, когда училище стало Единой Советской школой №168. Сохранялся коллектив педагогов под руководством директора Г.Н.Боча, преподавались те же основные общеобразовательные предметы, разве что Закон Божий был заменен на политграмоту (политграмота – сокращение от «политическая грамота» - краткий курс основных, первоначальных политических знаний, ориентированный на советскую идеологию классовой борьбы – *Прим. Авт.*) Так, в Удостоверении Евгения Чернышева об окончании школы в 1923 году говорится: «... окончил курс I и II ступени, причем обнаружил достаточные познания и развитие по всем обязательным предметам курса, а именно: по родному языку и литературе, арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, естествознанию, физике, химии, географии,

обществознанию, политграмоте, немецкому языку, рисованию, геологии и истории искусств» [90]. Оценок в Удостоверении нет, но сам перечень впечатляет. Интересно, что он очень близок перечню предметов в Свидетельстве его дяди Николая, брата Евгении Александровны, который окончил это училище в 1913 году, хотя там оценки были (см. Прил. 20). Преподаватели, которые остались в школе с дореволюционного времени, не особо налегая на политграмоту, давали своим ученикам твердые и глубокие знания, закладывали в них стремление непрерывно учиться. Поэтому сразу после окончания школы Евгений прошел летние курсы при рабфаке Ленинградского государственного университета, учрежденные специально для выпускников детских домов (рабфаки – рабочие факультеты – образовательные учреждения, создававшиеся в Советской России с 1919 года при вузах и школах для подготовки рабочих и крестьян к получению высшего образования – *Прим.Авт.*). Этих базовых знаний ему хватило, чтобы впоследствии успешно учиться на физико-механическом факультете Политехнического института и закончить его в 1930 году. Василий Чалов тоже поступил в Политехнический институт, но не сумел его окончить. Позднее, в 1930 году поступила в институт, который тогда уже назывался Индустриальным, моя прабабушка Елизавета Чалова и окончила его в 1936 году, получив диплом инженера-электротехника.

Вообще, двадцатые годы были трудными для школы не только потому, что нужно было в усложнившихся условиях решать хозяйственные вопросы (например, по отоплению и ремонту школы, питанию учащихся), но и в методическом плане – появилось множество нововведений, которые активно пытались внедрять высшее районное и городское школьное начальство. Например, в младших классах предлагалось вместо планомерного изучения русского языка и арифметики изучать так называемые «комплексы», то есть отдельные темы «Дом», «Город», «Деревня». В старших классах предлагалось вводить так называемый «Дальтон-план», или «Метод проектов» (Дальтон-план, или, правильнее, Долтон-план, – назван так по

американскому городу, где впервые была применена такая индивидуализированная форма обучения, при которой уничтожалась классно-урочная система занятий, учащиеся сами определяли, чем будут самостоятельно заниматься каждый день в рамках общего плана обучения, в особо оборудованных кабинетах, а роль учителя сводилась к консультациям – *прим. Авт.*). Все эти предложения в школе изучались и обсуждались, но принимались с большими видоизменениями, так, чтобы новая методика не сказалась отрицательно на качестве знаний. Так, «Дальтон-план» был заменен кабинетной системой (кабинетная, или предметно-кабинетная, система – система обучения, при которой существуют специально оборудованные классы по каждому предмету, ученики во время занятий переходят из одного кабинета в другой – *прим. Авт.*) и экскурсионным методом, по которым школа была сделана опорной. Это означало, что школа должна была проводить конференции и устраивать выставки для работников других школ, работающих по тому же методу.

Но в 1929 году Геннадию Николаевичу Бочу пришлось оставить директорский пост и уйти из школы. Вслед за ним ушли многие учителя. Лидия Васильевна Бодалева (Боч) писала в своих воспоминаниях: «В среднюю школу я вернулась в 1942 году, и многое поразило меня в школе – система отметок, экзамены, однополые (т.е. мужские и женские – *прим. Авт.*) школы с 1943 по 1954 год, много казенщины, как поурочные планы учителей, постоянное равнение на Институт усовершенствования учителей, спускавший учебные планы, разработки тем и образцы контрольных работ. Нет, мы в нашей 168-й работали более свободно, более самостоятельно. Многие из того, что я застала в Коммерческом училище в 1916 году, и сейчас еще остается непревзойденным образцом» [91].

Выводы по 4 главе: в начале XX века появились средние учебные заведения нового типа – реальные и коммерческие училища. Работавшие в них педагоги, освобожденные от формальных гимназических требований,

пытались строить обучение и отношение с учениками на новых, демократических принципах. Большое значение, наряду с подготовкой к получению высшего образования, придавалось практической направленности знаний и развитию личности учащегося.

Заключение

Я проследила основные этапы развития среднего образования в России от середины XIX века до двадцатых годов XX века на примере обучения моих родственников в различных учебных заведениях и, таким образом, выполнила поставленные задачи и достигла своей цели.

Я узнала много интересного о жизни моих ровесников, многие из которых были моими родственниками, в прошлом и позапрошлом веке. Я словно слышала их голоса, увидела их глазами давно прошедшую жизнь, которая для них была повседневной реальностью, а для нас является историей. Великий поэт, который для нас – портрет в книге, был одноклассником моего прапрадеда. Так история стала мне ближе и понятней.

Результаты моей работы, возможно, будут интересны и моим одноклассникам, если использовать их как дополнительный материал на уроках истории и истории Санкт-Петербурга.

Сноски к тексту

- [1] Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX- начало XX века. Сборник документов ЦГИА СПб. – СПб, «Лики России», 2000, сс.11-12.
- [2] Указ Правительствующему Сенату «Об устройстве училищ» от 26.01.1803 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVII ст. 20597 <https://runivers.ru/lib/book3130/> (дата обращения 05.02.2019)
- [3] Устав учебных заведений, подведомственных Университету от 05.11.1804 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVIII ст. 21501 <https://runivers.ru/lib/book3130/> (дата обращения 05.02.2019)
- [4] О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники от 06.08.1809 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXX ст. 23771 <https://runivers.ru/lib/book3130/> (дата обращения 05.02.2019)
- [5] Устав учебных заведений, подведомственных Университету от 08.12.1828 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. III ст. 2502 <https://runivers.ru/lib/book3136/> (дата обращения 05.02.2019)
- [6] Высочайший рескрипт министру народного просвещения А.С.Шишкову о запрещении принимать в университеты и гимназии крепостных от 17.08.1827 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. II ст. 1308 <https://runivers.ru/lib/book3136/> (дата обращения 05.02.2019)
- [7] Мнение Государственного совета об изменении некоторых статей Устава гимназий, уездных и приходских училищ от 06.05.1849 .- ЦГИА СПб, ф.139, оп.1, д. №5329, лл.3-4
- [8] Указ Правительствующему Сенату об уставе и штатах гимназий и прогимназий от 19.11.1864 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXXIX ст. 41472 <https://runivers.ru/lib/book3136/> (дата обращения 05.02.2019)

- [9] Устав гимназий и прогимназий от 30.06.1871 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XLVI ст. 49860
<https://runivers.ru/lib/book3136/> (дата обращения 05.02.2019)
- [10] Устав реальных училищ от 15.05.1872 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XLVII ст. 50834
<https://runivers.ru/lib/book3136/> (дата обращения 05.02.2019)
- [11] ЦГИА СПб, ф.139, оп.1, д. №7446, лл.1-2
- [12] Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX- начало XX века. Сборник документов ЦГИА СПб. – СПб, «Лики России», 2000, с.172.
- [13] Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники: 1823-1918 гг. : историко-биографический справочник / сост.: Б.Ф. Федоров. - Санкт-Петербург: ВИРД, 2011.
- [14] Н.А.Соколов Из истории Петербургской 3-й гимназии
<https://memoclub.ru/2015/01/d321/> (дата обращения 05.02.2019)
- [15] О пансионере Департамента Внешней торговли Чернышеве. ЦГИА СПб, ф.439, оп.1, д. №3422, л.8
- [16] Там же, л.1
- [17] Там же, л.3
- [18] Там же, л.9
- [19] Дело Дмитрия Чернышева. ЦГИА СПб, ф.14, оп. 5, д. №1792, л.2
- [20] Дело 3-ей Санкт-Петербургской гимназии об экзамене и выпуске воспитанников VII класса (предписания, донесения, расписание экзаменов, прошения, аттестаты). ЦГИА СПб, ф.439, оп.1, д. №3955, л. 5
- [21] Там же, л.6
- [22] Там же, л.14-16
- [23] Там же, л.34
- [24] Там же, л. 36-37
- [25] Там же, л. 29, 54
- [26] Дело Михаила Чернышева. ЦГИА СПб, ф.14, оп. 5, д. №1793, л.2

- [27] Там же, л.16
- [28] Там же, л.40
- [29] Там же, л.27, 41
- [30] Аничков А.М. Исторические записки пятидесятилетия Третьей Санкт-Петербургской гимназии, составленные по поручению Педагогического Совета.- СПб, тип.Э.Арнольда, 1873, с.71.
- [31] Дело Дмитрия Чернышева. ЦГИА СПб, ф.14, оп. 5, д. №1792, л.6
- [32] Там же, л.7
- [33] Дело 3-ей Санкт-Петербургской гимназии об экзамене и выпуске воспитанников VII класса (предписания, донесения, расписание экзаменов, прошения, аттестаты). ЦГИА СПб, ф.439, оп.1, д. №3955, л.48.
- [34] Дело Санкт-Петербургской городской управы II отделения I стола об оценке имущества Н.К.Чернышевой, Петербургской части 2 уч. №446. ЦГИА СПб, ф.513, оп.22, д. №1393, л.1
- [35] Дело об ученике Павле Чернышеве. ЦГИА СПб, ф.303, оп.2, д. №141
- [36] Дело Электро-Технического института студента Чернышева Павла Дмитриевича. ЦГИА СПб, ф.990, оп.2, д. №1617
- [37] Дело об ученике Чернышеве Савве. ЦГИА СПб, ф.303, оп.2, д. №467
- [38] Княжнин В.Н. А.А.Блок. - Петроград, изд. «Колос», 1922, с.26-27.
- [39] Блок А.А. Исповедь язычника. – Собрание сочинений в 9 томах, т.6. М., 1962
- [40] Княжнин В.Н. А.А.Блок. - Петроград, изд. «Колос», 1922, с.28-29.
- [41] Дело о приеме в гимназию в 1890 году. ЦГИА СПб, ф.303, оп. 2, д. №619, л.22.
- [42] Никитенко Г.Ю., Привалов В.Д. Петроградская сторона. Большой проспект. – М., изд. Центрполиграф, 2011, с.202.
- [43] К.А.Купман, А.М.Конечный «Александр Блок во Введенской гимназии» - Литературное наследство. М., 1987. Т. 92, кн. 4, с.599.
- [44] Отрывок кондуитного списка за 1895/96 год. ЦГИА СПб, ф.303, оп. 2, д. №1151, л.32.

- [45] Там же, л.1
- [46] Дело о приеме в гимназию в 1890 году. ЦГИА СПб, ф.303, оп. 2, д. №619, л.11.
- [47] https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law/17876/ЧЕРТА Дата обращения 24.02.2019. Энциклопедический словарь экономики и права
- [48] Княжнин В.Н. А.А.Блок. - Петроград, изд. «Колос», 1922, с.30.
- [49] Отрывок кондуитного списка за 1895 год. ЦГИА СПб, ф.303, оп. 2, д. №1151, л.19.
- [50] Журнал для записывания проступков учеников СПб Введенской гимназии с 28 янв. 1897 по 28 мая 1898. ЦГИА СПб, ф.303, оп. 2, д. №1313, л.43
- [51] Там же, л.118
- [52] Там же, л.119 об.
- [53] Там же, л.116 об.
- [54] Там же, л.122
- [55] Там же, л.72 об.
- [56] Отрывок кондуитного списка за 1895 год. ЦГИА СПб, ф.303, оп. 2, д. №1151, л.51.
- [57] К.А.Купман, А.М.Конечный «Александр Блок во Введенской гимназии» - Литературное наследство. М., 1987. Т. 92, кн. 4, с.600-601.
- [58] Там же, с.599.
- [59] Дело со списком руководств и пособий, употребляемых в гимназии. ЦГИА СПб, ф.303, оп. 2, д. №1015.
- [60] Протокол комиссии о допущении учеников VIII к испытаниям зрелости. ЦГИА СПб, ф.303, оп. 2, д. №1369, л.7.
- [61] К.А.Купман, А.М.Конечный «Александр Блок во Введенской гимназии» - Литературное наследство. М., 1987. Т. 92, кн. 4, с.602.
- [62] Княжнин В.Н. А.А.Блок. - Петроград, изд. «Колос», 1922, с.32-33.
- [63] Дело об испытаниях зрелости и переводных экзаменах за 1898 год. ЦГИА СПб, ф.303, оп. 2, д. №1861, л.71.

- [64] Дело со списком руководств и пособий, употребляемых в гимназии. ЦГИА СПб, ф.303, оп. 2, д. №1015.
- [65] Бекетова М.А. А.А.Блок и его мать. - Л., М., изд. Петроград, 1925, с.63.
- [66] Чернышев Тит Дмитриевич, ЦГИА, ф.1543, оп.7, д. №7660, л.11.
- [67] Княжнин В.Н. А.А.Блок. - Петроград, изд. «Колос», 1922, с.31.
- [68] Дело об испытаниях зрелости и переводных экзаменах за 1898 год. ЦГИА СПб, ф.303, оп. 2, д. №1861, л.81.
- [69] Там же, л.100
- [70] Сведения и характеристики на лиц, окончивших гимназии Петербургского учебного округа в 1898 году. ЦГИА СПб, ф.14, оп.27, д. №342, л.74.
- [71] Там же, л. 94.
- [72] Александр Блок. ЦГИА СПб, ф.14, оп. 3, д. №35242, лл.46-49.
- [73] <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11524.php> Дата обращения: 27.01.2019. В.Енишерлов «Александр Блок – гимназист». – Интернет-журнал «Наше наследие», №115, 2015.
- [74] Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы – Л., Лениздат, 1988, с.487.
- [75] <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vstupitelnyh-ekzamenah-v-universitety-rossiyskoy-imperii-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-veka> Дата обращения 24.02.2019. Жарова Е.Ю. «О вступительных экзаменах в университеты Российской империи во второй половине XIX - начале XX века». – Вестник Пермского университета, 2016.
- [76] Княжнин В.Н. А.А.Блок. - Петроград, изд. «Колос», 1922, с.28.
- [77] Высочайше утверждённое мнение Государственного совета «Об увеличении сроков действительной службы для лиц, получивших высшее и среднее образование, и о вызываемых сею мерою изменениях в Уставе о воинской повинности», Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. VI ст. 3508 <https://runivers.ru/lib/book3139/> (дата обращения 24.02.2019)
- [78] Чернышев Тит Дмитриевич, ЦГИА СПб, ф.1543, оп.7, д. №7660, л.16.

- [79] Чернышев Тит Дмитриевич, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. №35428, л. 80-81.
- [80] Описание дома по Большому пр. №62 – 62а. ЦГИА, ф.515, оп.1, д.№4390
- [81] Глезеров С.Е. Лесной, Гражданка, Ручьи, Удельная... - М., ЗАО Центрполиграф, 2007, с.66.
- [82] Лидке Николай, ЦГИА СПб, ф.357, оп.1, д. №655, л.1
- [83] Закон «Об изменении Устава о воинской повинности», Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XXXII ст. 37417 <https://runivers.ru/lib/book3139/> (дата обращения 24.02.2019)
- [84] Лидке Николай, ЦГИА СПб, ф.357, оп.1, д. №655, лл.2-3.
- [85] Вейнерт-Влядих Я.А. «Мои воспоминания о Коммерческом училище в Лесном 1913-1920». СПб филиал архива РАН, ф.1029, оп.1, д. №21, лл.10-12
- [86] Бодалева (Боч) Л.В. «О самоуправлении в 168 Советской школе». СПб филиал архива РАН, ф.1029, оп.1, д. №23, л.9.
- [87] Воспоминания Богораза В.В. СПб филиал архива РАН, ф.1029, оп.1, д. №26, лл. 5-15
- [88] О.Ю Лукьянова «Геннадий Николаевич Боч и другие преподаватели Лесного коммерческого училища». Информационно-публицистический журнал Муниципального Совета МО Светлановское «События и размышления», 2(83), 2018 <http://www.mo-svetlanovskoe.spb.ru/assets/zhurnal> (дата обращения 16.03.2019)
- [89] С.Е.Глезеров «Школьное родиноведение начиналось в Лесном. Часть 1». <http://blog.excurspb.ru/petersburg/item/217-shkolnoe-rodinovedenie-nachinalos-v-lesnom-chast-1> (дата обращения 16.03.2019)
- [90] Чернышев Евгений Титович. ЦГА СПб, Ф3121, опись 21, дело 3253, л.6
- [91] Бодалева (Боч) Л.В. «О самоуправлении в 168 Советской школе». СПб филиал архива РАН, ф.1029, оп.1, д. №23, л.12

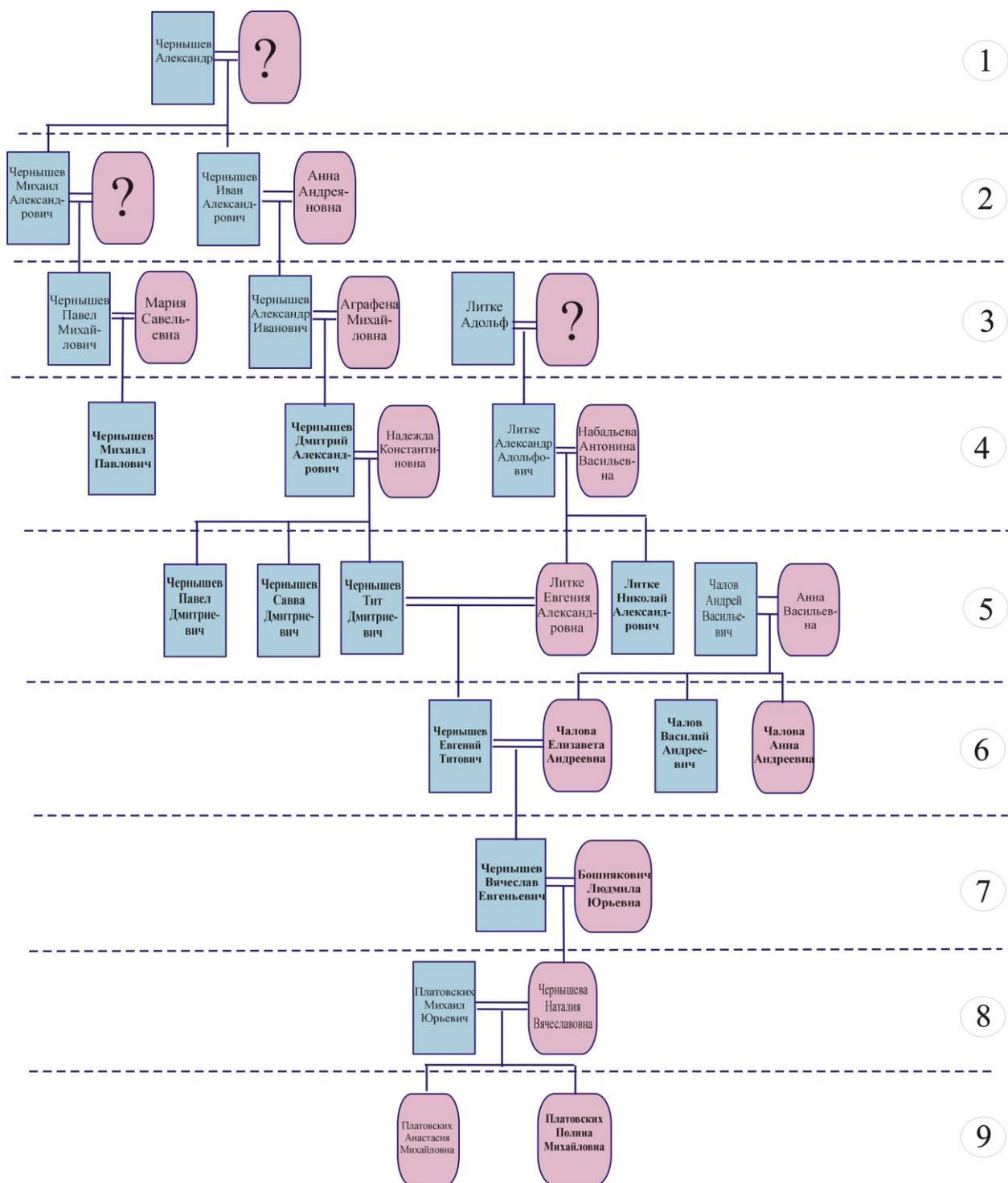
Библиография

1. Глезеров С.Е. Лесной, Гражданка, Ручьи, Удельная...- М., ЗАО Центрполиграф, 2007. – 429 с.
2. Беленцев С. Ученическое движение в России. Вторая половина XIX – начало XX века. – СПб, Нестор История, 2013. - 184 с.
3. Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX- начало XX века. Сборник документов ЦГИА СПб. – СПб, «Лики России», 2000, 359 с.
4. Княжнин В. Н. Александр Александрович Блок. - Петроград, Колос, 1922, 136 с.
5. Бекетова М.А. А.А.Блок и его мать. - Л., М., изд. Петроград, 1925, 148 с.
6. Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники: 1823-1918 гг.: историко-биографический очерк / сост. Б.В.Федоров. - СПб, ВИРД, 2011, 646 с.
7. Аничков А.М. Исторические записки пятидесятилетия Третьей Санкт-Петербургской гимназии, составленные по поручению Педагогического Совета. - СПб, тип.Э.Арнольда, 1873, 153 с.
8. Лавров С.В. Памятка бывшим ученикам С.Петербургской 3-ей гимназии. - СПб, 1911, 90 с.
9. Никитенко Г.Ю., Привалов В.Д. Петроградская сторона. Большой проспект. – М., изд. Центрполиграф, 2011, 652 с.
10. Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы – Л., Лениздат, 1988, 606 с.

Использованные источники

1. ЦГИА СПб, фонд 303, опись 2 – ПЕТРОГРАДСКАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО. 1862–1918.
2. ЦГИА СПб, фонд 357, опись 1 ПЕТРОГРАДСКОЕ ВОСЬМИКЛАССНОЕ КОММЕРЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ В ЛЕСНОМ. 1904–1917.
3. СПб филиал архива РАН, фонд 1029, опись 1- Коммерческое училище в Лесном (1904–1920)
4. ЦГА СПб, фонд 7405, опись 1 – Коммерческое училище – 168 Советская школа
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1.
<https://runivers.ru/lib/book3130/>
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2.
<https://runivers.ru/lib/book3136/>
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3.
<https://runivers.ru/lib/book3139/>

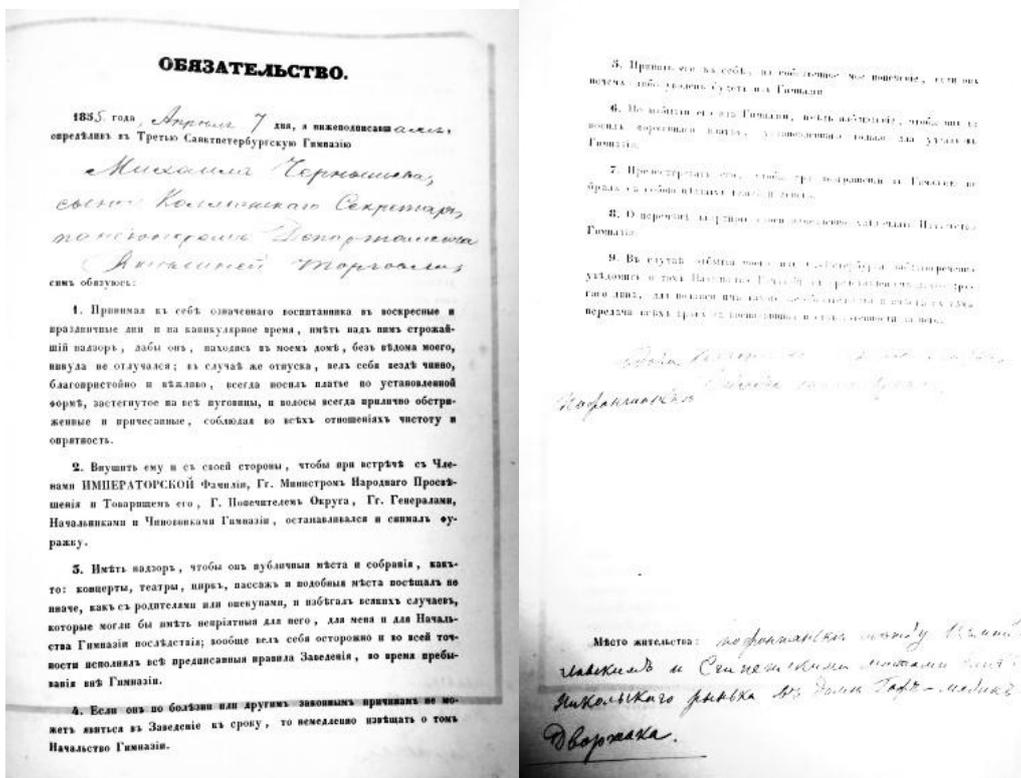
Приложения

Прил.1. Выборочное родословное древо (упоминаемые в тексте работы родственники выделены жирным шрифтом)

Прил.2. Здание 3-ей гимназии на Гагаринской улице в Санкт-Петербурге

Прил.3. Обязательство опекуна воспитанника 3-ей гимназии Михаила Чернышева, 1855 год

Прил.4. Аттестат Дмитрия Чернышева об окончании 3-ей гимназии, 1860 год

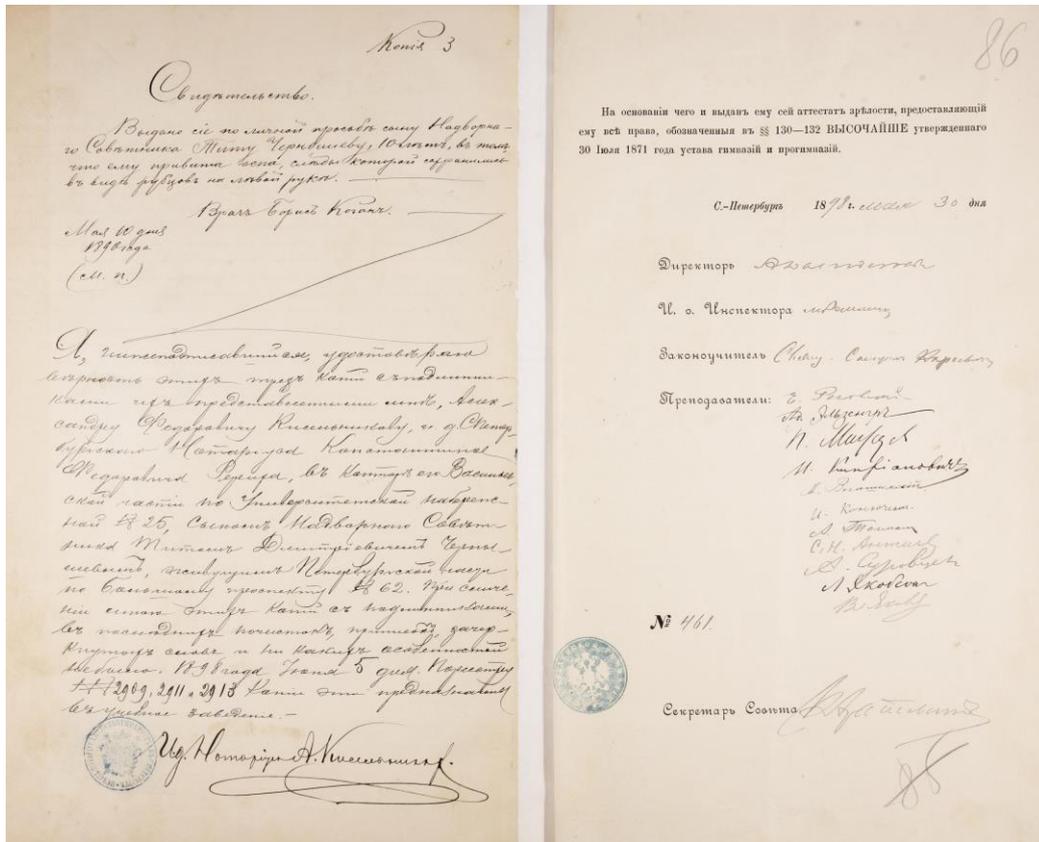
Прил.5. Здание Введенской гимназии на Большом пр. Петербургской (Петроградской) стороны в Санкт-Петербурге

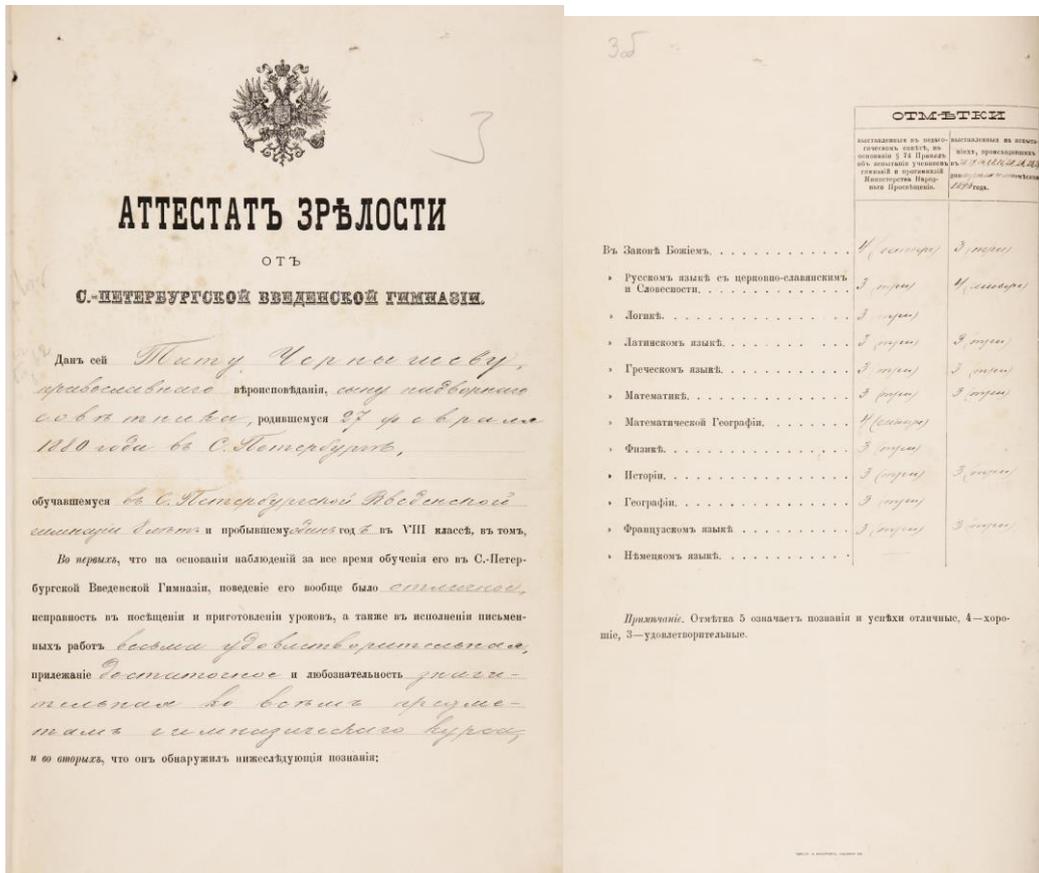
Прил.6. Дом 62 Большой пр ПС 1949 (Гр 73129 ЦГАКФФД СПб)

Прил.7. Утро 9 января 1905 на Петербургской стороне (В459 ЦГАКФФД СПб)

Прил.8. Аттестат зрелости Введенской гимназии Тита Чернышева (подписи учителей)

Прил.9. Аттестат зрелости Введенской гимназии Тита Чернышева (оценки)

Прил.10. Групповая фотография учеников и учителей Введенской гимназии, 1896(?) Первый справа в четвертом ряду – А.А.Блок

Прил.11. А.А.Блок, 1898 год.

Прил.12. Т.Д.Чернышев, 1898 год.

Прил. 13. Старопарголовский пр. (сейчас пр. М.Тореза) в 1900-1911 годах

Прил.14. Е.А.Чернышева (ур. Лидке) с детьми Евгением, Верой и Александром (слева направо), 1911 год

Прил.15. Восьмиклассное коммерческое училище в Лесном

Прил.16. Учащиеся ВКМ в Лесном играют в мяч во время перерыва, 1913 год, фотоателье Буллы (Е17234 ЦГАКФФД СПб)

Прил. 17. Семья Лидке, 1901 год. Евгения стоит вторая справа во втором ряду

(подается родителями)		1 ноября
И. Имя		Ульяна
Ручка	Ульяна	Ке. В. В.
Инициалы	Ке. В. В.	Ке. В. В.
Прозвисько		Ульяна
Хват		Ульяна
Фамилия		Ульяна
История		Ульяна
География		У
Школьный	Ке. В. В.	Ке. В. В.
Французский		У
Числовые, рисование и язык.		Ульяна
Ручной труд.		

Оценки записаны:

Общественный предмет по француз. яз. в классе
 Французский по русскому. яз. в классе

(подается родителями)		28 июля
И. Имя		Ульяна
Ручка	Ульяна	Ке. В. В.
Инициалы		Ульяна
Прозвисько		У
Хват		
Фамилия		
История		
География		У
Нумерика		Ке. В. В.
Французский		Ке. В. В.
Числовые, рисование и язык.		Ульяна
Ручной труд.		Уча.

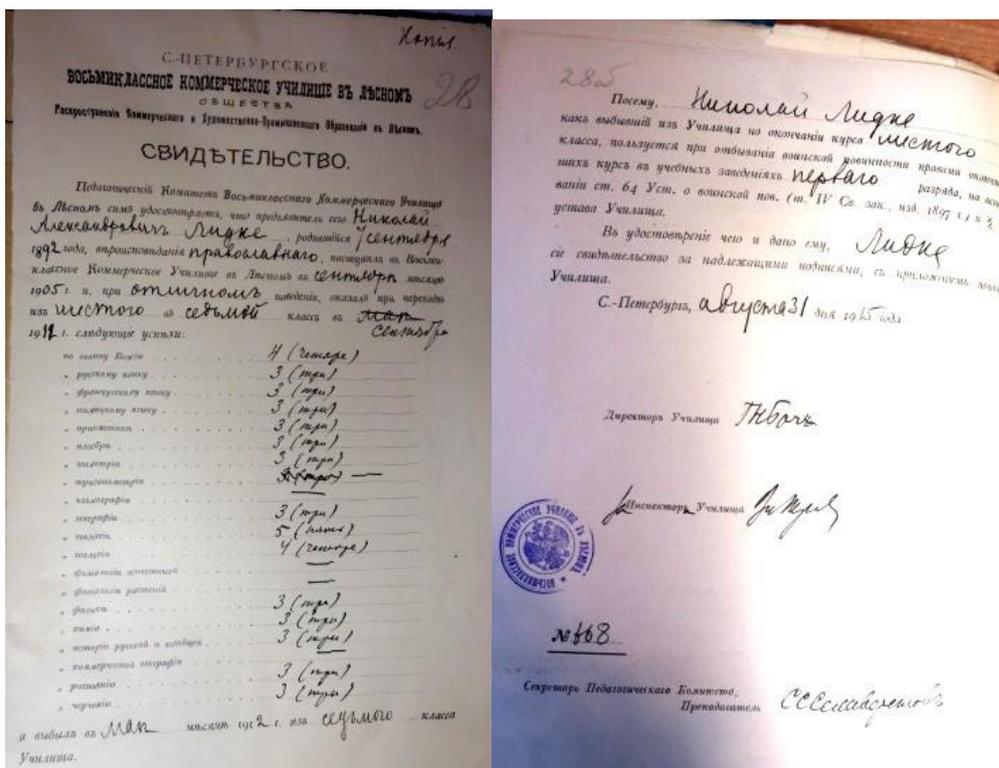
ОЦЕНКА ЗАПИСАНА:

Общественный предмет по француз. яз. в классе

Прил. 18. Сведения об успеваемости ученика ВКУ в Лесном Николая Лидке, 1909-1911 годы

Прил. 19. Семья Лидке в 1913 году.
 Николай Лидке – второй слева во втором ряду,
 Евгений Чернышев – второй слева в первом ряду,
 Евгения Чернышева с дочерью Зинаидой – третья слева в первом ряду

Прил.20. Свидетельство Н.А.Лидке об окончании ВКУ в Лесном, копия 1915

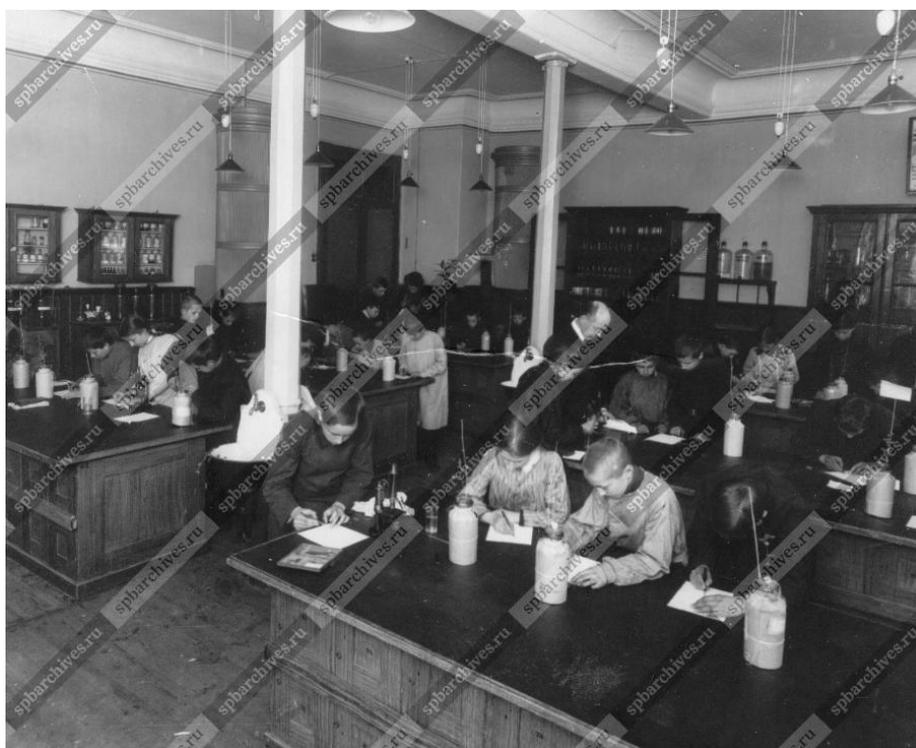
Прил. 21. Ученики, принятые в 1 класс Восьмиклассного Коммерческого училища в Лесном и учителя, 1916 год.

Прил. 22. XIV выпуск 168 Единой Трудовой школы (бывш. ВКУ в Лесном), 1923 год.

Ученики: Евгений Чернышев – четвертый ряд, четвертый справа, Геннадий Боч – четвертый ряд, пятый слева, Василий Чалов – четвертый ряд, второй слева, Анна Чалова – первый ряд, третья слева.

Учителя – третий ряд, слева направо: В.В.Трубицын (русский язык и литература), В.И.Волошинов (естествознание), С.А.Оранский (законоведение и политэкономия), Н.А.Бруни (рисование), Г.Н.Боч (директор школы, химия), Л.В.Бодалева-Боч (классный руководитель, математика), В.К.Бедункович-Оранская (лаборант), М.Е.Буринская (история), Н.А.Борщевский (ботаника, преподаватель-лаборант)

Прил. 23. Занятия по химии в ВКМ, 1913 год, фотоателье Буллы
(Е17233 ЦГАКФФД СПб)

Прил. 24. Практические занятия по зоологии в ВКМ, 1913 год, фотоателье Буллы
(Е17236 ЦГАКФФД СПб)

